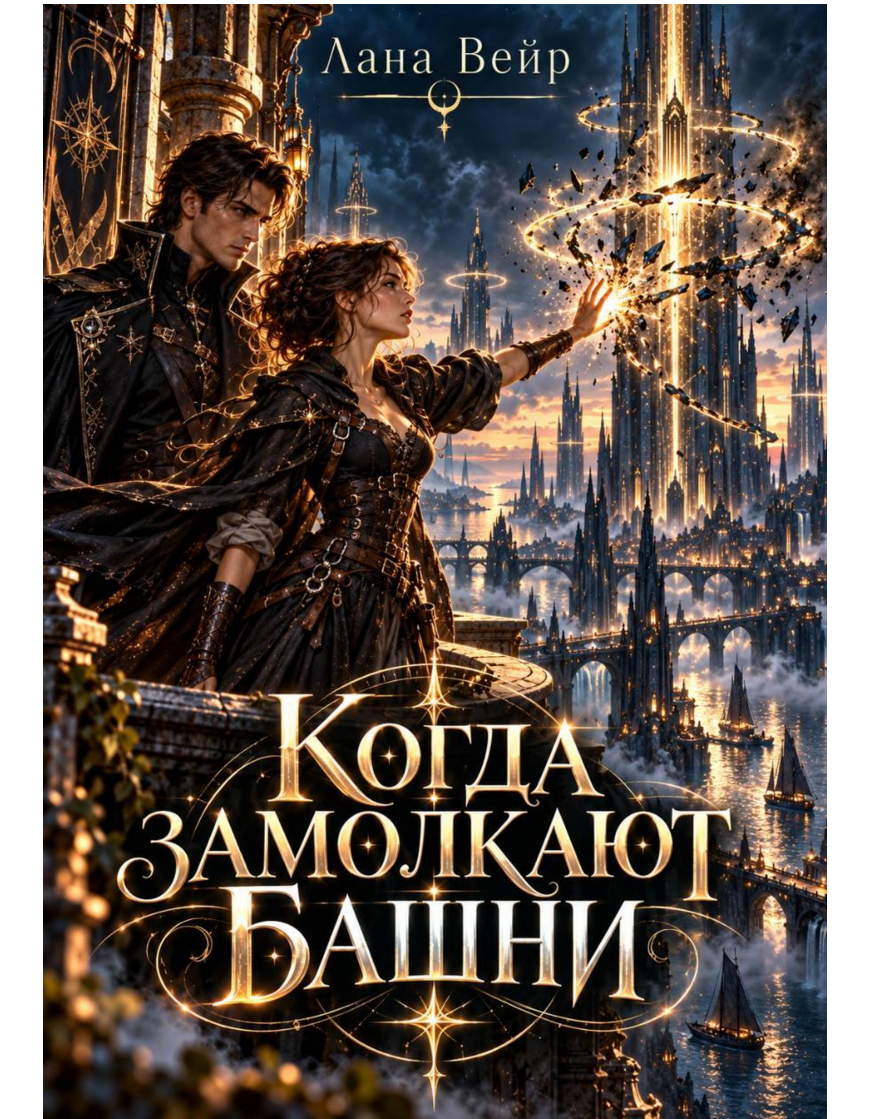




Лана Вейр

КОГДА  
ЗАМОЛКАЮТ  
БАШНИ

# Лана Вейр

## Когда замолкают башни

<https://litres.ru/74577737>

SelfPub; 2026

### Аннотация

В Нерисе башни никогда не замолкают. Пока однажды город не стихает под моей рукой.

Я – ремонтница Нижнего яруса. Моя жизнь состоит из работы, долгов и младшего брата Энна. Но во время ежегодного Отбора выясняется, что он обладает редкой совместимостью с Центральной башней. Его должны забрать в столицу и сделать Якорем.

От такой службы не отказываются.

Поэтому мы бежим.

Побег заканчивается встречей с Ренном Аркетом – командиром Корпуса и сейром, чья магия должна была сделать сопротивление бессмысленным. Вот только стоит мне коснуться его, и его сила исчезает.

Теперь государство хочет понять, кто я. Я хочу вернуть брата. А Ренн – получить ответы, которые искал много лет.

Но чем ближе мы подбираемся к тайне Якорей, тем опаснее становится правда.

И человек, которому мне нельзя доверять.

Особенно после того, как я начинаю его хотеть.

# Содержание

|                                   |     |
|-----------------------------------|-----|
| Глава 1. Нижний ярус              | 4   |
| Глава 2. День отбора              | 17  |
| Глава 3. Побег                    | 30  |
| Глава 4. Ренн Аркет               | 42  |
| Глава 5. Нулевая                  | 56  |
| Глава 6. Чёрная вода              | 75  |
| Глава 7. Без магии                | 85  |
| Глава 8. Имена на камне           | 98  |
| Глава 9. Под затонувшим городом   | 111 |
| Глава 10. Цена башни              | 124 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 127 |

# Лана Вейр

## Когда замолкают башни

### Глава 1. Нижний ярус

В тот день город впервые замолчал у меня под руками.

Я лежала на животе в технической нише под Седьмым мостом, по локоть в ржавой воде, и пыталась понять, почему левая резонансная труба дрожит не в такт. Над головой грохотали телеги. В стенах гудел Нерис – привычно, ровно, как огромное животное, которое никогда не спит.

– Тэра! – крикнул мастер Овин из коридора. – Если ты опять решила разобрать узел целиком, я тебя там и оставлю.

– Я тоже рада тебя слышать.

– Ты должна была только заменить пластину.

– Пластина целая.

Я провела пальцами по медному ободу. Он был холоднее, чем должен. На внутренней стенке дрожал бледный свет, разбитый на тонкие кольца. Каждое кольцо соответствовало частоте одной из городских башен. Я знала этот рисунок лучше собственного лица.

– Значит, датчик врёт, – сказал Овин.

– Датчик тоже целый.

Он выругался.

Вода под локтем внезапно пошла рябью.

Не от движения.

Я замерла.

Гул внутри трубы стал ниже, потом выше, потом пропал один слой звука – тот самый, который ощущался скорее зубами, чем ушами.

Я убрала руку.

Гул вернулся.

Коснулась снова.

Пропал.

– Овин.

– Что ещё?

– Подойди.

Он протиснулся в нишу, ворча на мой характер, Совет, сырость и молодых мастеров, которые не способны выполнить простую работу без философских открытий.

– Слушай.

– Что?

– Просто слушай.

Он присел рядом, придерживая лампу.

Я положила ладонь на обод.

Тишина пришла сразу.

Не абсолютная. Снаружи всё ещё стучали колёса, капала вода, Овин сопел мне в плечо. Но внутри трубы исчез резонанс.

Исчез привычный фон, по которому я всегда знала: где-

то в центре города Центральная башня работает.

Овин нахмурился.

– Что ты делаешь?

– Ничего.

– Убери руку.

Я убрала.

Труба ожила.

Он посмотрел сначала на неё, потом на меня.

– Ещё раз.

Я не успела коснуться металла.

Из глубины трубы донёсся голос.

Тихий.

Женский.

– Не надо.

Я отшатнулась так резко, что ударилась затылком о потолок.

– Ты слышал?

– Что?

– Голос.

– Какой голос?

Я смотрела на трубу. Свет внутри снова дрожал ровными кольцами.

– Тэра.

– Показалось.

Овин не поверил, но и спорить не стал.

Мы заменили датчик, оформили отчёт и поднялись на

улицу.

Нерис пах мокрой солью, углём и водорослями. Нижний ярус жил на уровне старых волнорезов, поэтому море здесь всегда присутствовало рядом, даже если его не было видно. Оно просачивалось сквозь камень, висело в воздухе, разъедало петли, сапоги, лёгкие и терпение.

Утро в Нижнем ярусе начиналось не с солнца. С солнцем у нас вообще были сложные отношения. Утро начиналось с насосов. В пять часов городские машины выталкивали ночную воду из нижних каналов, и стены домов дрожали. Если насосы молчали, люди просыпались раньше обычного.

Потому что тишина означала затопление.

Когда мне было девять, один из насосов на нашей улице сломался ночью. Отец разбудил нас, посадил маленького Энна себе на плечи, а мне велел не отпускать его ремень. Вода поднялась до коленей за десять минут. Я помнила холод. Помнила соседку, которая тащила клетку с двумя курами. Помнила, как мама ругалась на городских техников так громко, что один из них потом предложил ей работу.

Наверное, поэтому я стала ремонтником.

Не потому что любила машины.

Потому что рано поняла: между обычной жизнью и катастрофой часто стоит человек с ключом, который вовремя заметил неправильный звук.

После смерти родителей я перестала считать такие признаки мелочами.

Я начала слушать всё.

Дыхание Энна, когда он болел.

Скрип двери.

Шум воды в трубах.

Шаги хозяина на лестнице, когда мы задерживали плату.

С тех пор я жила по признакам: если что-то менялось, я хотела заметить первой.

Наверное, поэтому голос в трубе напугал меня так сильно.

Он не соответствовал никакому признаку.

Машины не должны просить.

Не должны бояться.

Не должны говорить «не надо».

По дороге домой я специально прошла возле Седьмой башни. Не Центральной – малой. Таких в Нерисе было двенадцать. У её основания горели белые резонансные полосы, а возле входа дежурили двое сейров.

Я остановилась у торговца орехами и делала вид, что выбираю.

– Покупаешь? – спросил он.

– Думаю.

– Думать дороже.

Я дала монету и получила маленький кулёк.

Пока ела, смотрела на башню.

Люди проходили мимо и почти не замечали башню. Я тоже вспоминала о ней в основном тогда, когда что-то ломалось.

Как с морем.

Как с налогами.

Как с человеком, который каждое утро лежит на соседней кровати и ворчит, что ты слишком громко собираешься.

Я подумала об Энне.

Завтра Отбор.

Вероятность почти нулевая.

В нашем районе за прошлый год выбрали двоих.

Одна девушка ушла с семьёй наверх перед отправлением.

О втором никто не говорил.

Я доела орехи.

Башня гудела.

Обычный звук.

Я попыталась представить город без него.

Не смогла.

Дома Энн сидел на подоконнике и читал, положив книгу на колени.

– Рыба? – спросил он, увидев пакет.

– Не нюхай.

– Уже поздно.

Я бросила ему лепёшку.

Он поймал и сразу откусил.

Ему исполнилось семнадцать три недели назад, но иногда он умудрялся выглядеть одновременно на двенадцать и на сорок.

– Завтра Отбор, – сказал он с набитым ртом.

– Знаю.

– Ты забыла.

– Нет.

– Ты спросила утром, почему улицы украшают флажками.

– Я проверяла тебя.

– Конечно.

Наша комната была маленькой даже для Нижнего яруса. Две кровати, стол, печка, шкаф и окно, из которого можно было любоваться кирпичной стеной соседнего дома.

Но она была наша.

Почти.

Ещё два года платить хозяину.

Потом я хотела продать право на аренду и уехать выше. Туда, где стены не мокнут изнутри.

– Я не пойду, – сказал Энн.

– Куда?

– На Отбор.

– Пойдёшь.

– Почему?

– Потому что штраф за пропуск больше нашей месячной платы.

– А если я не хочу, чтобы мне совали в руку иглы и смотрели, как я звеню?

– Тогда будешь не хотеть за государственный счёт.

Он поморщился.

Каждый год в Нерисе проводили Отбор. Подростков и

молодых людей до двадцати пяти вызывали по возрастному графику, поэтому до предельного возраста большинство проходило арку несколько раз.

Почти никто не подходил.

Те, кто подходил, становились Якорями.

На верхних ярусах семьи устраивали пиры, если ребёнка выбирали.

Внизу чаще плакали.

Почёт не кормил младших братьев.

– Ты же проходила, – сказал Энн.

– Трижды.

– И?

– Как видишь, меня не забрали.

– Потому что ты бездарная.

– Именно.

Мы оба улыбнулись, и Отбор снова отодвинулся до завтра.

Потом я вспомнила голос внутри трубы.

Не надо.

Ночью я долго не спала.

Город гудел за стеной.

Я слушала его и думала, что впервые за двадцать четыре года этот звук меня не успокаивает.

На рассвете я всё-таки уснула и проспала удар в стену.

Первый был коротким.

Второй – настойчивее.

– Если это хозяин, меня нет, – сказала я, не открывая глаз.

– Он и так знает, что ты есть, – отозвался Энн.

– Тогда меня стало меньше.

Он открыл дверь.

На пороге стоял Овин с моей рабочей сумкой.

Я села.

– Забыла.

– Я никогда не забываю инструменты.

– Сегодня забыла.

Он положил сумку на стол, но не ушёл.

Энн, почувствовав взрослый разговор, которым якобы не интересовался, слишком медленно стал складывать книги.

– Что? – спросила я.

Овин почесал седую щетину.

– Ночной отчёт по Седьмому мосту перепроверили.

– И?

– Сбой не записался.

– Ты же видел.

– Видел.

– Значит, приборы плохие.

– Все пять?

Мне это не понравилось.

– Может, сигнал был слишком короткий.

– Может.

Он сказал это без убеждения.

– И ещё.

– Конечно, ещё.

– После нашей смены туда пришли люди Корпуса.

Энн перестал перекладывать книги.

– Зачем? – спросила я.

– Не мне объясняли.

Овин посмотрел на мою руку.

Инстинктивно я спрятала пальцы под одеяло.

– Ты что-нибудь почувствовала вчера?

– Сырость.

– Тэра.

– Что ты хочешь услышать?

– Правду.

Я подумала о женском голосе в трубе.

Не надо.

– Ничего.

Он смотрел ещё секунду, потом кивнул. Не поверил, но вытягивать из меня ответ не стал. За это я была ему благодарна.

У двери он остановился.

– После Отбора не выходи на смену. Возьми день.

– За свой счёт?

– За мой.

– Тогда точно выйду.

– Упрямая дрянь.

– Старый вымогатель.

Овин усмехнулся и ушёл.

Энн дождался, пока шаги стихнут.

– Ты соврала.

– Ты сегодня особенно наблюдательный.

– Что было в трубе?

Я встала и начала разбирать сумку.

– Ничего.

– Тэра.

– Энн.

– Это нечестно.

Я резко застегнула ремешок.

– Я слышала голос.

Он замер.

– Чей?

– Не знаю.

– Что сказал?

– «Не надо».

– И ты решила не рассказывать.

– Именно.

– Почему?

– Потому что сегодня тебя проверяют на магическую совместимость, а твоя сестра с утра слышит голоса из городской инфраструктуры. Я решила не расширять семейный список странностей.

Он сел напротив.

– Ты испугалась?

– Нет.

– Врёшь хуже, чем думаешь.

– А ты слишком много разговариваешь до завтрака.

Я достала из шкафа маленькую банку с отдельными накоплениями – не на жильё, а на переезд наверх.

Я каждый месяц откладывала понемногу.

Иногда одну монету.

Иногда пять.

Энн заметил.

– Зачем считаешь?

– Просто.

– Ты тоже умеешь врать хуже, чем думаешь.

Я ссыпала деньги обратно. Пока они всё ещё означали переезд наверх, а не побег из города.

Но голос из трубы уже не казался случайностью.

Я спустилась во двор под предлогом проверить почтовый ящик.

В Нижнем ярусе новости распространялись раньше почты.

У колодца две женщины обсуждали Корпус.

– Сегодня ночью были у Седьмого.

– Из-за сбоя?

– Говорят, отзвук через линию пробился.

– Глупости. Отзвуки не проходят по металлу.

– А откуда знаешь?

– Муж сестры работает у башни.

Я прошла мимо, не замедлившись.

Отзвук был первым объяснением, которое вообще подхо-

дило, и от этого легче не стало.

В школе нас учили, что отзвуки существуют только за защитными полями.

Они могут подражать голосам.

Красть образы.

Заманивать.

Но не проходить через городской резонанс.

Если голос был отзвуком, значит, учебники лгали.

Если не был, ещё хуже.

Я вернулась домой.

Энн уже одевался.

– Куда?

– За хлебом.

– У нас есть.

– Свежий.

Он улыбнулся.

– Что?

– Ничего.

Он тоже нервничал.

Просто делал это иначе.

Весь последний год я копила на другой адрес, будто он сам по себе мог сделать нас безопаснее. Только теперь до меня дошло, насколько это было наивно.

## Глава 2. День отбора

Очередь начиналась за два квартала до площади.

Энн увидел её и развернулся.

Я поймала его за ворот.

– Даже не думай.

– Тэра, там тысяча человек.

– Семьсот.

– Ты считала?

– Я оптимистка.

Он посмотрел на меня так, как люди смотрят на плохую погоду.

Площадь была украшена серебристыми лентами. В центре стояла переносная резонансная арка – две чёрные стойки, соединённые выгнутой перекладиной. Под ней по одному проходили жители.

Если арка молчала, человек шёл дальше.

Если звенела, его уводили в белую палатку.

Мы продвигались медленно.

Я старалась не смотреть на палатку.

– Если меня выберут, – сказал Энн, – ты устроишь скандал?

– Нет.

– Врёшь.

– Я устрою очень организованный скандал.

– С плакатом?

– С гаечным ключом.

Он фыркнул.

Перед нами прошла девушка лет девятнадцати. Арка вспыхнула синим. Толпа зашепталась. Мать девушки ахнула, обняла её и сразу начала плакать.

Служащие поздравили семью.

Мне стало холодно.

– Тэра.

– Что?

– Ты руку сжимаешь.

Я разжала пальцы. Под ногтями остались полукружья.

Наконец подошла наша очередь.

Сначала проверили меня.

По правилам все сопровождающие подходящего возраста тоже проходили под аркой.

Я шагнула между стойками.

Металл едва слышно пискнул.

Служащий нахмурился.

– Ещё раз.

Я прошла обратно.

Снова писк.

– Сбой, – сказал техник.

Мне хотелось спросить, уверен ли он.

Не спросила.

Теперь Энн.

Он шагнул под перекладину.

Ничего не произошло.

Я успела вдохнуть.

Потом арка загудела так громко, что люди вокруг отшатнулись.

Свет стал золотым.

Техник побледнел.

На его лице я увидела то выражение, которое обычно возникает у человека при виде очень больших денег или очень плохих новостей.

– Высокая совместимость.

Энн стоял неподвижно.

– Нет, – сказала я.

Никто не обратил внимания.

Два служащих подошли к брату.

– Имя?

– Энн Нолл.

– Возраст?

– Семнадцать.

– Семья?

Он посмотрел на меня.

– Сестра.

– Родители?

– Умерли.

Служащий сделал отметку.

– Сопровождающая родственница может пройти в палат-

ку.

Я вошла вместе с ними.

Внутри пахло лекарствами и горячим металлом.

Энна усадили на стул, приложили к груди круглый резонатор и сняли ещё три показания.

Каждое было выше предыдущего.

– Редкий профиль, – сказал врач.

– Что это значит?

– Центральная совместимость.

– Что это значит?

Он поднял глаза.

– Ваш брат подходит для службы в Астере.

У меня зашумело в ушах.

– Нет.

– Госпожа Нолл...

– Я не госпожа.

– Хорошо. Тэра. Ваш брат получил большую честь.

– Он получил результаты проверки.

– Через три дня транспорт отправится в столицу.

Энн наконец заговорил.

– А если я откажусь?

Врач замолчал.

Служащий у входа отвёл взгляд.

Ответ мне не понравился ещё до того, как прозвучал.

– Совместимость с Центральной башней не предполагает отказа.

– Вы сказали «служба», – произнесла я.

– Так и есть.

– Служба предполагает, что человек на неё поступает.

– Не всегда.

Я встала между Энном и врачом.

– Мы уходим.

– Вы можете уйти сейчас. Сегодня до шестого колокола он обязан явиться на медицинскую подготовку.

– Он не явится.

Теперь врач посмотрел на меня внимательно.

– Не делайте этого.

– Чего?

– Не превращайте хорошие обстоятельства в плохие.

Мне захотелось разбить резонатор о его стол.

Я не разбила.

В Нижнем ярусе рано учатся считать цену вспышки. Иногда злость обходится дороже, чем можешь заплатить.

Мы вышли.

Домой сразу не пошли.

Энн остановился у канала.

– Посидим.

– Зачем?

– Ноги не работают.

Мы сели на каменный край.

По воде шли грузовые баржи.

Над крышами звонили праздничные колокола.

Для кого-то сегодняшний день действительно был праздником.

– Помнишь Лева? – спросил Энн.

– Какого?

– Из школы. Высокий. Всё время списывал.

– Смутно.

– Его выбрали два года назад.

– И?

– Его мать получила магазин.

Я повернулась.

– Откуда знаешь?

– Встречал её.

– И что?

– Она сказала, Лев счастлив.

– Она с ним говорит?

– Нет.

– Тогда откуда знает?

Энн бросил камешек в воду.

– Не знаю.

Лев не писал домой, а его счастье всё равно пересказывали как установленный факт.

– Может, всё правда, – сказал он. – Если я соглашусь...

– Нет.

– Ты обещала не решать, если узнаем правду.

– Мы её ещё не знаем.

– А если не сможем узнать?

Я смотрела на воду.

– Тогда всё равно не позволю им забрать тебя только потому, что они не дают информации.

– Это опять ты решаешь.

Я разозлилась.

– Мне двадцать четыре. Я твой опекун.

– Для Отбора это уже ничего не значит. Мне семнадцать.

– До восемнадцати я...

– По закону Якорей согласие семьи не нужно с шестнадцати.

Я знала.

Поэтому злилась сильнее.

– Отличный закон.

– Тэра.

– Что?

– Если мы побежим, ты потеряешь работу.

– Найду другую.

– Квартиру.

– Не наша.

– Деньги.

– Деньги снова заработаем.

– Овина.

Я замолчала.

Он был прав.

Если я стану беглянкой, Овина проверят.

Соседей.

Всех, кто помогал.

– Мейра сможет сделать так, чтобы нас сочли утонувшими, – сказала я.

– Откуда знаешь?

– Не знаю.

– Отлично.

Мы сидели.

– Я не хочу, чтобы из-за меня ты потеряла жизнь, – сказал Энн.

– Ты не причина.

– А кто?

– Они.

– Удобно.

Я посмотрела на брата.

– Что ты хочешь?

Он долго молчал.

– Хочу ещё год.

– Что?

– Просто год. Закончить школу. Сходить на южный рынок, который ты всё обещаешь. Поехать на лодочные гонки. Может, поцеловать кого-нибудь.

– Последнее можно убрать.

Он засмеялся.

– Я хочу иметь время самому решить, что делать.

Он перечислял школу, южный рынок, лодочные гонки, первый поцелуй – вещи, которые вообще не должны быть

особой привилегией. На этом спор для меня закончился.

– Тогда бежим, – сказала я.

Он кивнул.

С этого момента решение стало не только моим.

Подготовка к бегству оказалась удивительно бытовой.

Я ожидала страха.

Получила грязные носки, спор о книгах и необходимость решить, брать ли кастрюлю.

– Она хорошая, – сказал Энн.

– Она чугунная.

– Именно поэтому хорошая.

– Мы не открываем трактир.

– Пока.

Я вырвала кастрюлю из его рук и поставила обратно.

Потом достала документы родителей.

Мамино свидетельство о рождении.

Отцовское разрешение на работу у волнорезов.

Старую фотографическую пластинку, где они стояли у моря ещё до моего рождения.

Мама смеялась.

Я знала это, хотя на пластине звук не сохранялся.

Я вдруг вспомнила вчерашний голос в трубе и быстро убрала пластинку в коробку.

– Оставим записку? – спросил Энн.

– Кому?

Он пожал плечами.

Правда.

Никого не было.

Овин поймёт сам.

Соседи решат, что мы задолжали хозяину.

Хозяин будет рад получить комнату обратно и сдать дороже.

Ни дом, ни улица не остановятся из-за нас: хозяин сдаст комнату, соседи найдут новую сплетню. Мы исчезнем быстрее, чем мне хотелось признавать.

К полудню пришли двое служащих Отбора.

Я увидела белые воротники из окна.

– В шкаф, – сказала я.

– Ты серьёзно?

– Нет, я мечтала об этом с твоего рождения.

– Я туда не помещусь.

– Согнись.

Он спрятался.

Я открыла дверь.

– Энн Нолл?

– Ушёл.

– Куда?

– За хлебом.

Служащий посмотрел на стол.

Там лежали две лепёшки.

Я мысленно выругалась.

– Любит свежий.

– Он обязан прибыть в медицинский корпус сегодня до шестого колокола.

– Передам.

– Вы его сестра?

– К сожалению.

– В документах указано, что родителей нет.

– Они и сегодня не появились.

Он проигнорировал.

– Вы понимаете ответственность?

– Я умею читать.

– Хорошо. Тогда прочитайте это.

Он протянул уведомление.

Внизу было написано: попытка скрыть кандидата высокой совместимости рассматривается как вмешательство в безопасность контура.

Наказание – заключение до десяти лет.

Я сложила бумагу.

– Спасибо.

– За что?

– Люблю, когда угрозы оформлены аккуратно.

Второй служащий усмехнулся.

Первый – нет.

Когда они ушли, Энн вылез из шкафа.

– Десять лет.

– Это максимальное.

– Ты откуда знаешь?

– Я оптимистка.

– Перестань.

Энн был бледный.

– Мы можем не бежать, – сказал он.

– Нет.

– Тэра.

– Нет.

– Если меня заберут, тебе ничего не будет.

– Мне будет.

– Я серьёзно.

– Я тоже.

– Ты не знаешь, что со мной там случится.

– Именно.

Он сел на кровать.

– А вдруг всё правда? Вдруг Якорям хорошо платят. Вдруг я смогу помогать тебе.

Я хотела сказать, что он ребёнок.

Не сказала.

Семнадцать – возраст, когда тебя считают достаточно взрослым, чтобы использовать, и недостаточно взрослым, чтобы позволить тебе отказаться.

– Если ты сам решишь пойти после того, как мы узнаем правду, – сказала я, – я не стану тебя держать.

Он вскинул голову.

Мне было тяжело произносить дальше.

– Но сначала мы должны получить возможность выби-

рать.

Он долго молчал.

Потом кивнул.

Это обещание далось хуже, чем решение бежать: оно оставляло Энну право однажды выбрать то, от чего я сейчас его спасала.

Перед выходом к Мейре я ещё раз проверила документы и деньги.

Остальные вещи оставили на местах.

Пока у нас не было ни маршрута, ни проводника, побег оставался решением, а не совершившимся фактом.

Я закрыла дверь и сунула ключ в карман.

Если сделка сорвётся, нам придётся вернуться.

## Глава 3. Побег

Мейра Сол потребовала половину наших денег.

– За двоих? – спросила я.

– За то, что вообще разговариваю с человеком, который хочет провести отмеченного через портовый контроль.

– Он не отмеченный.

– Уже отмеченный.

Энн натянул рукав ниже. На запястье у него светилась тонкая золотая линия, появившаяся утром.

– Половина сейчас, – сказала Мейра. – Остальное после прохода.

– У нас не останется ничего.

– Зато останетесь вы.

Она была примерно на двадцать лет старше меня, с короткими волосами и ожогом от виска до подбородка. Когда-то Мейра работала инженером башен. Потом её имя исчезло из официальных списков.

Мейра согласилась помочь не сразу.

До того как назвать цену, она заставила нас сидеть в мастерской почти час.

– Зачем? – спросил Энн.

– Проверяю, не привели ли хвост.

– Мы пришли пешком.

– Хвост не обязательно идёт ногами.

Я осматривала помещение.

На полках лежали детали, которые обычному человеку за-  
прещалось даже покупать.

Резонансные пластины.

Старые сейрские проводники.

Три пустых корпуса от военных маяков.

– Это всё законно? – спросила я.

– Конечно.

– Врёшь.

– Тогда зачем спрашиваешь?

Энн нашёл на столе схему.

– Это башня?

Мейра резко забрала.

– Не трогай.

– Я просто...

– Просто не трогай.

Он поднял руки.

Я заметила печать на листе.

Центральный Резонанс.

– Ты не просто инженер.

– Была.

– Какой отдел?

– Неважно.

– Для тебя всё неважно.

– Пока вы не заплатили – да.

Я высыпала монеты.

Мейра пересчитала.

– Мало.

– Это всё.

– Неправда.

– Хочешь проверить карманы?

– У тебя есть накопительный счёт.

Я застыла.

– Откуда?

– Тэра, я контрабандист. Информация – половина профессии.

– Ты проверяла нас.

– Конечно.

– До того как согласилась встретиться?

– До того как согласилась ответить на записку.

Энн посмотрел на меня.

– И ты доверяешь ей?

– Уже меньше.

Мейра усмехнулась.

– Умная девочка.

– Не называй меня девочкой.

– Тогда не приходи просить незаконно вывезти брата и удивляться, что я проверила, не приманка ли вы.

Справедливо.

Ненавижу.

– Счёт на переезд, – сказала я.

– Знаю.

– Не тронем.

– Тогда я не поведу.

Энн вмешался:

– Возьми.

Я повернулась.

– Нет.

– Тэра.

– Нет.

– Мы копили на новый дом. Если меня заберут, зачем тебе этот дом?

– Для меня.

– Врёшь.

Мейра молча наблюдала.

– Половину, – сказала она наконец.

– Что?

– Половину счёта. Остальное оставишь.

– Почему передумала?

– Потому что мальчик прав, а ты упрямая.

– Ненавижу тебя.

– Это бесплатно.

Мы заключили сделку.

Перед тем как разойтись и снова встретиться в полночь, Мейра решила проверить, умеем ли мы вообще проходить мимо патрулей.

Она заставила нас поменяться одеждой с двумя портовыми рабочими.

– Я не надену это, – сказал Энн.

– Почему?

– Оно пахнет рыбой.

– Порт пахнет рыбой.

– Но не настолько.

– Тогда оставайся.

Он надел.

Мне досталась куртка, слишком большая в плечах.

– Рукава.

– Подверни.

– Будет видно.

– Всем плевать.

– Корпусу нет.

Мейра посмотрела.

– Вот первая ошибка беглецов. Думают, что охрана замечает странности. На деле охрана замечает тех, кто сам ведёт себя так, будто он здесь чужой.

– И что делать?

– Идти так, будто имеешь право быть там, куда идёшь.

– У меня нет.

– Именно поэтому тренируйся.

Она провела нас через рынок.

Три раза мимо патрулей.

Я чувствовала каждый взгляд.

Ни один патруль нас не остановил.

У склада Мейра сказала:

– Видишь?

– Что?

– Половина власти существует потому, что люди заранее сами себя останавливают.

– Философ-контрабандист.

– Плачу налоги на обе профессии.

– Врёшь.

– Конечно.

Она дала мне новый жетон.

– Если разделитесь, восточный канал. Не западный.

– Почему?

– Западный я продала другому клиенту.

– В один вечер?

– У меня бизнес.

– А если наши маршруты пересекутся?

– Тогда узнаете цену дешёвых услуг.

Я покачала головой.

– Ты ужасна.

– Зато жива.

Энн спросил:

– Ты когда-нибудь была Якорем?

Мейра резко посмотрела.

– Нет.

– А кто-то близкий?

Она долго молчала.

– Брат.

Я не знала.

– Что с ним?

– Умер в башне.

– Поэтому ты ушла?

– Нет.

– Почему?

– Не потому, что у меня умер близкий человек. И что? От этого я не стала ни святой, ни умной революционеркой.

Энн смутился.

Мейра смягчилась.

– Я ушла позже. Когда поняла, что система может быть другой, а люди наверху всё равно выбирают эту.

Слова про другой способ я почти пропустила. Зацепилась только за одно: брат. Башня. Умер. До остального мне тогда не было дела.

До полуночи оставалось четыре часа.

Мы вернулись домой в последний раз.

Я не стала ничего брать, кроме инструментов, двух рубашек и старой жестяной коробки с документами родителей.

Энн набил сумку книгами.

– Ты серьёзно?

– Что?

– Мы бежим из города.

– Я знаю.

– И ты взял «Историю навигационных войн»?

– Она дорогая.

– Она тяжёлая.

– Можно продать.

Я посмотрела на него.

– Хорошо. Выбросишь первым, если придётся бежать.

– Конечно.

Он соврал.

Я тоже сделала вид, что поверила.

Перед выходом я прошлась по комнате.

Стол.

Печка.

Две кровати.

Трещина над окном, которую я всё собиралась заделать.

На стене метки роста Энна.

Последняя уже почти на уровне моего носа.

Я провела пальцем.

– Что?

– Ничего.

– Ты прощаешься?

– Нет.

Врёшь хуже, чем думаешь.

Но он не сказал.

Мы оставили ключ под камнем возле лестницы.

Глупость: у хозяина был запасной. Но отец всегда делал так, если уходил надолго, и мне нужно было повторить это хотя бы один раз.

Я закрыла дверь.

Теперь уже действительно в последний раз.

К девятому складу пришли заранее.

Порт ночью был другим городом. Днём здесь кричали грузчики и торговцы. Ночью слышалось только море за внешней стеной и низкий гул башен.

Мейра появилась из тени.

– Плохо.

– Что?

– Контроль усилили.

– Из-за нас?

– Ты льстишь себе.

Она повела нас через склады, спустила по лестнице под причал и открыла люк в старую дренажную систему.

– Идём пешком.

– До баржи?

– Если повезёт.

– А если нет?

– Тогда недолго.

Энн шёл между нами.

Через полчаса впереди показался свет.

Мейра подняла руку.

Мы остановились.

Слышались голоса.

– Корпус, – шепнула она.

– Откуда они знают?

– Не знают.

Свет приблизился.

Мейра выругалась.

– Назад.

Мы развернулись.

Позади тоже вспыхнули фонари.

Это была не ловушка для нас, а обычный обыск. Хуже: нас никто не ждал, и коридор перекрывали с обеих сторон.

Мейра толкнула Энна в боковой проход.

– Бегите.

– А ты?

– Я сказала – бегите.

Мы побежали.

Тоннель выводил к старому шлюзу. Я знала его по рабочим схемам. Если успеть открыть ручной затвор, мы попадём в нижние доки.

Я уже видела колесо, когда перед нами из темноты вышел человек.

Высокий. В чёрной форме Корпуса Настройщиков. Без шлема. Лицо спокойное.

Слишком спокойное для человека, который только что преградил путь троим беглецам.

За его спиной стояли ещё двое.

– Назад, – сказал он.

Я остановилась.

Энн врезался мне в плечо.

– Мы рабочие, – сказала я.

– Ночью. В закрытом тоннеле.

– У нас сложный график.

Его взгляд опустился на золотую линию, видневшуюся из-под рукава Энна.

Я встала перед братом.

Человек вздохнул.

– Не усложняйте.

– Поздно.

Мейра бросилась первой.

Один из солдат перехватил её.

Я ударила второго сумкой с инструментами.

Энн рванул к шлюзу.

Высокий оказался рядом быстрее, чем я успела понять, как он двинулся.

Он схватил брата за плечо.

Я вцепилась в его руку.

И мир замолчал.

Все лампы погасли.

Гул башни исчез.

Кто-то вскрикнул.

Высокий отпустил Энна.

В полной темноте он сказал:

– Что ты сделала?

– Не знаю.

Это была правда.

Я ударила его коленом и потащила Энна к шлюзу.

Не успела.

Меня прижали к стене.

Не магией.

Обычной человеческой силой.

Высокий держал меня одной рукой.

В его голосе наконец прорезалось раздражение.

– Имя.

– Отпусти.

– Имя.

– Тэра Нолл.

Он замер.

Будто услышал имя, которое уже знал.

– Ренн, – окликнул один из солдат.

Значит, Ренн.

Свет постепенно вернулся. Гул башни тоже.

Ренн Аркет посмотрел на свою ладонь.

Потом на меня.

– Всех наверх, – сказал он.

– Энна не трогайте.

– Это уже не тебе решать.

Я плюнула ему в лицо.

Не лучший момент моей жизни.

Но определённо один из самых приятных.

## Глава 4. Ренн Аркет

Нас держали в разных комнатах.

Это было первое, что я узнала.

Второе – Мейра исчезла.

Третье – никто не собирался объяснять, где Энн.

Я успела дважды потребовать адвоката, один раз воду и четыре раза назвать охранника бесполезным шкафом, прежде чем дверь открылась.

Вошёл Ренн.

Без оружия.

Я заметила это сразу.

– Где мой брат?

– Жив.

– Это не место.

– В медицинском корпусе.

– Что с ним делают?

– Проверяют.

– Я хочу его видеть.

– Нет.

Я встала.

Он остался у двери.

– Тогда зачем пришёл?

– За ответами.

– Удивительно. Я тоже.

Он подошёл к столу.

Вблизи я заметила, что его глаза не совсем серые. Вокруг зрачка тянулось тонкое серебряное кольцо.

Сейр.

Я раньше видела их только издалека.

– Коснись меня, – сказал он.

– Это худшая попытка знакомства в моей жизни.

– Руки.

– Нет.

– Тэра.

– Откуда ты знаешь моё имя?

– Ты сообщила его мне несколько часов назад.

– Я надеялась, удар повредил тебе память.

Он проигнорировал.

– Когда ты схватила меня, мой резонанс исчез.

– Сочувствую.

– Это невозможно.

– А вот это уже приятнее.

Он положил ладонь на стол между нами.

Я посмотрела на неё дольше, чем требовал разговор. На пальцах белели тонкие следы старых ожогов, на костяшках были мелкие шрамы. Не парадная рука командира – рабочая.

Меня раздражало, что я вообще это заметила.

– Сделай ещё раз.

– Что я получу?

– Информацию.

– Энна.

– Нет.

– Тогда нет.

Мы смотрели друг на друга.

Он убрал руку.

– Твоего брата отправляют в Астер утром.

– А меня?

– Пока неизвестно.

– «Пока» мне не нравится.

– Мне тоже.

Я рассмеялась.

– Ты серьёзно сейчас пытаешься вызвать сочувствие?

– Нет.

Он действительно не пытался.

Это раздражало ещё сильнее.

– Что происходит с Якорями? – спросила я.

– Они служат в резонансной сети.

– Это официальный ответ.

– Он верный.

– И неполный.

Он задержался с ответом чуть дольше обычного.

– Почему ты так думаешь?

Я вспомнила голос из трубы.

Не надо.

– Потому что у людей есть привычка прятать неприятные

вещи за красивыми словами.

– Это не доказательство.

– Зато опыт.

Ренн собирался что-то сказать, когда дверь открылась.

Вошёл чиновник в белом.

Он протянул Ренну металлическую пластину.

Тот прочитал.

– Проблема? – спросила я.

– Да.

– Хорошо.

Он посмотрел на меня.

– Тебя переводят в Астер.

Улыбка исчезла.

– За что?

– Не за что.

– Тогда зачем?

– Центральный Резонанс хочет тебя исследовать.

– Я не согласна.

– Я знаю.

– Это должно что-то менять.

– Должно.

– Но не меняет.

– Нет.

Я подошла ближе.

– А ты?

– Что я?

– Ты всегда так разговариваешь? Будто заранее вырезал из фраз всё, что может быть человеческим?

Он чуть склонил голову.

– Нет.

– С кем иначе?

– С теми, кому доверяю.

– Боюсь спрашивать, много ли их.

– Не спрашивай.

После разговора он не ушёл сразу.

Стоял у двери и смотрел на меня так, будто решал, считать ли меня человеком или аварией.

– Что?

– Мейра Сол.

Я напряглась.

– Что с ней?

– Ты её знаешь давно?

– Несколько месяцев.

– Где познакомились?

– В библиотеке.

– Тэра.

– На рынке.

– Тэра.

– Ты очень плохо играешь в эту игру.

Он вернулся к столу.

– Она бывший инженер Центрального Резонанса.

– Я знаю.

– Откуда?

– Она сказала.

– Почему ушла?

– Не сказала.

Ренн сел.

– Она участвовала в краже закрытых схем.

– И?

– Эти схемы касались капсул Якорей.

Этого я не знала.

– Ты хочешь, чтобы я помогла её поймать?

– Нет. Хочу понять, почему человек с её знаниями согласился провести тебя через порт именно сегодня.

– За деньги.

– Мейра могла заработать больше, продав информацию о твоём брате.

Я сжала пальцы.

– Она не такая.

– Ты уверена?

– Да.

– После нескольких месяцев.

– А тебе я не доверяю после нескольких часов. Видишь, как хорошо работает система?

Он почти улыбнулся.

– Она знала про твою способность?

– Нет.

Я соврала, хотя сама не знала, насколько это было ложью.

Не представляла, была ли Мейра в курсе.

Но её лицо в тоннеле всё ещё стояло перед глазами.

Ренн смотрел.

– Хорошо, – сказал он.

Ответ он принял подозрительно легко.

– Что хорошо?

– Ничего.

– Ты поверил?

– Нет.

– Тогда?

– Я запомнил ответ.

Ненавижу людей, которые угрожают памятью.

До отправления в Астер я провела ещё одну ночь под замком.

Сон не шёл.

Сначала я считала шаги охраны.

Потом трещины на потолке.

Потом подумала, что если начну считать собственные страхи, до рассвета точно не закончу.

Дверь открылась около полуночи.

Я приготовилась увидеть Ренна.

Пришла Мейра.

Под конвоем.

На её скуле темнел синяк.

Она увидела меня и сказала:

– Ну и характер.

– Ты знала.

Охранник толкнул её дальше.

– О чём?

– Про меня.

Улыбка Мейры исчезла на мгновение. Этого хватило: я попала.

– Мейра.

– Не здесь.

– Где Энн?

– Видела. Жив.

– Ты уверена?

– Он ругался на врача. Значит, вполне.

Охранник снова толкнул.

Она успела бросить:

– Не показывай им всё.

Дверь закрылась.

Я осталась одна.

Не показывай им всё.

Проблема заключалась в том, что я сама не знала, что у меня есть.

Через час пришли двое медиков.

Один попросил руку.

Я отказалась.

Он попытался схватить меня за руку.

Лампа над нами погасла.

Медик отшатнулся.

Я тоже.

Эффект длился секунду.

Но теперь я знала: Ренн не был исключением.

Я могла делать это не только с резонансом сейра, но и с любым резонансным устройством.

– Что произошло? – спросил второй.

– Ваша лампа сломалась.

– Только что заменили.

– Столица плохо финансирует тюрьмы.

Они ушли.

Больше никто не пытался брать кровь без согласия до прихода Келла.

Перед рассветом Овин прислал мне сообщение через служебную линию.

Я удивилась, что его вообще пропустили.

Текст был короткий:

«Трубу под Седьмым разобрали. Люди Корпуса задают вопросы. Я ничего не знаю. И ты ничего не знаешь. Поняла?»

Я перечитала.

Потом ещё раз.

Овин явно понял достаточно, чтобы предупредить меня.

Я ответила:

«Поняла. Прости».

Ответ пришёл почти сразу:

«За что? Ты всегда была проблемой».

Я засмеялась.

Охранник за дверью спросил:

– Всё нормально?

– Нет.

– Тогда почему смеётесь?

– Семейное.

Он не понял, и мне почему-то стало легче.

Перед отправлением на «Меридиан» мне позволили пять минут с Энном.

Комната была разделена стеклом.

Ненавижу стекло.

Оно придумано людьми, которым нравится говорить, что ты рядом, когда тебя не могут коснуться.

Энн приложил ладонь к перегородке.

Я свою не подняла.

Если поднять, станет хуже.

– Они тебя били? – спросил он.

– Нет.

– Лжёшь?

– На этот раз нет.

– Мейру?

– Не знаю.

– Тэра, я могу пойти сам.

– Мы это уже обсуждали.

– Теперь другое.

– Что именно?

Он посмотрел на охранника за моей спиной.

– Ты представляешь для них интерес.

– Я всегда мечтала.

– Они отвезут тебя из-за меня.

– Они отвезут меня из-за того, что я сделала.

– Когда спасала меня.

– Я ударила солдата сумкой с гаечными ключами. «Спасала» звучит благороднее, чем было.

Он не улыбнулся.

– Если я соглашусь на службу, может, тебя отпустят.

– Нет.

– Ты не знаешь.

– Знаю.

– Откуда?

Я не могла сказать: потому что их командир смотрит на меня как на ответ на вопрос, который задавал много лет.

– Потому что такие люди не отпускают то, чего не понимают.

Энн опустил голову.

– Мне страшно.

Энн не произнёс ничего героического. Просто сказал, что ему страшно.

Я подняла руку и прижала ладонь к стеклу.

Он приложил свою с другой стороны.

– Мне тоже.

– Ты никогда не говоришь.

– Потому что это не помогает.

– Сейчас помогло.

Я сглотнула.

Охранник сказал:

– Время.

– Я найду тебя, – сказала я.

Энн закрыл глаза.

– Не обещай того, чего не можешь выполнить.

– Тогда скажу иначе. Я буду искать.

Он кивнул.

Так я могла обещать хотя бы то, что зависело от меня.

На рассвете меня вывели во двор.

Энна там не было.

– Где он?

– Его транспорт ушёл раньше, – сказал Ренн.

– Ты обещал, что утром.

– Сейчас утро.

Я бросилась к нему.

Меня перехватили солдаты.

– Ты специально.

– Нет.

– Врёшь.

– Я не решал его маршрут. После попытки побега его перевели в режим немедленной транспортировки.

– Но знал, что его увезут раньше.

Он молчал.

Этого хватило.

Перед посадкой на «Меридиан» Ренн вернул мне рабочую сумку.

– Проверяли?

– Конечно.

– Что забрали?

– Два ножа.

– У меня был один.

– Второй был в подошве.

– Кто нашёл?

– Я.

– Ненавижу тебя.

– Уже слышал.

– А ключи?

– Оставили.

– Почему?

– Потому что обычный гаечный ключ сочли неопасным.

Я погладила рукоять.

– Они плохо меня знают.

Ренн почти улыбнулся.

Мы вышли на причал.

Ветер пах солью.

За стеной шумело море.

Я впервые в жизни покидала Нерис.

Катер отошёл от причала, и башни города начали уменьшаться в сером утреннем воздухе. Где-то впереди был Энн. Где-то под водой – затонувшие города. А рядом сидел чело-

век, которого я уже однажды сделала беспомощным одним прикосновением.

Я ещё не знала, что делать с этой способностью, но теперь у меня хотя бы было что-то, что могло пригодиться против них.

Я не хотела уезжать и не была к этому готова. Когда Нерис скрылся в сером воздухе, я всё равно продолжала смотреть вперёд. Страшно было по-прежнему. Любопытно тоже.

## Глава 5. Нулевая

Военный катер назывался «Меридиан».

Я решила, что ненавижу его через десять минут.

Через час была уверена.

За внешними волнорезами море оказалось почти чёрным.

Не столько цветом, сколько глубиной, в которой свет быстро пропадал.

Вода казалась слишком плотной и почти не отражала свет.

На горизонте стоял туман – Завеса Прилива.

– Не подходи к борту, – сказал Ренн.

– Почему?

– Отзвуки.

– Здесь?

– Они бывают везде за контурами.

– И что, выпрыгнуть?

– Иногда.

Я отошла от борта. В его голосе не было ни угрозы, ни желания меня напугать.

Первую ночь я провела не в каюте.

Меня укачивало.

Я не собиралась сообщать врачу.

Поэтому сидела на полу в коридоре возле лестницы и делала вид, что мне нравится холодный металл.

Ренн нашёл через полчаса.

– Что ты делаешь?

– Медитирую.

– Ты зелёная.

– Освещение.

Он сел на ступень.

Места было достаточно, но не много. Его колено оказалось в ладони от моего. Я могла попросить отойти. Не попросила – главным образом потому, что тогда пришлось бы признать, что расстояние между нами я вообще отслеживаю.

– Корабельный врач может дать лекарство.

– Нет.

– Почему?

– Потому что тогда он будет доволен.

Ренн скривился.

– Это худшая причина страдать, которую я слышал.

– У тебя мало воображения.

Корабль качнуло.

Я закрыла глаза.

– Дыши медленнее.

– Не командуй моим дыханием.

– Хорошо. Продолжай страдать.

Несколько минут он молчал.

Это помогло.

– Почему вы живёте дольше? – спросила я, чтобы отвлечься.

– Резонанс поддерживает восстановление тканей.

– Значит, если я нахожусь рядом долго, ты стареешь?

Он задумался.

– Теоретически эффект должен быть слишком коротким.

– А если месяц?

– Не знаю.

– Ты очень любишь не знать.

– Я не считаю это позором.

– Власть обычно считает.

– Поэтому власть часто врёт.

Я открыла глаза.

– Это ты сейчас критикуешь собственное государство?

– Государство не моё.

– Ты командир Корпуса.

– Да.

– Всё равно.

Он прислонился к стене.

– Почему-то все думают: раз носишь форму, обязан любить всё, что над ней написано.

– А зачем служить, если не любишь?

– Потому что работа нужна.

– Как у Овина.

– Кто?

Я рассказала про мастера.

Про то, как он ругался на трубы, начальство и мою манеру лезть туда, куда не просят.

– Похоже на разумного человека.

– Не льсти ему.

– Его здесь нет.

– Всё равно.

Корабль снова качнуло.

На этот раз я выдержала.

– Лучше?

– Нет.

– Врёшь.

– Немного.

Ренн встал.

– Попробуй лечь головой к носу корабля, не поперёк.

– Это работает?

– Иногда.

– «Иногда» хуже «возможно».

– Запишу.

Я вернулась в каюту.

Сделала как сказал.

Действительно стало легче.

На второй день Келл наконец пришёл ко мне.

Сейр. Врач. С коробкой приборов и настроением человека, которому подарили редкую болезнь.

Перед первым обследованием он провёл для меня экскурсию по медицинской палубе.

Я не просила.

Келл сказал, что «информированный пациент меньше мешает».

– Очень гуманно.

– Практично.

На стенах висели карты человеческой нервной системы и сейрских резонансных узлов.

С первого взгляда они выглядели почти одинаково.

Со второго – нет.

У сейров серебряные линии проходили вдоль нервов, как дополнительная кровеносная система.

– Это физическое? – спросила я.

– Частично. Ткань существует. Резонанс – нет в привычном смысле.

– Отлично объяснил.

– Я врач, не учитель.

Он показал на схему груди.

– Главный узел здесь.

– Сердце?

– Рядом.

– Если повредить?

– Зависит от возраста, силы связи и человека.

– Умереть можно?

– Да.

Я вспомнила, как в тоннеле просто схватила Ренна.

– Я могла его убить?

Келл посмотрел внимательно.

– В первый раз? Вряд ли. Но если твоя зона растёт...

– Могу.

– Потенциально.

Мне не понравилось.

До этого способность была оружием против тех, кто сильнее.

Теперь стала ещё одним способом случайно причинить вред.

– Почему Ренн согласился снова участвовать?

– Спроси его.

– Спрашиваю тебя.

– Потому что он упрямый.

– Наконец диагноз, которому верю.

Келл открыл шкаф.

Внутри лежали старые медицинские пластины.

На нескольких схемах я увидела одинаковую пометку: нулевой провал.

– Это люди с таким же эффектом?

Он замер.

Слишком поздно.

– Ты знаешь больше, чем говорил.

– Я знаю медицинские слухи.

– Сколько было?

– Не спрашивай.

– Больше одного?

Келл посмотрел резко.

Этого хватило, чтобы понять: Ренн знал не всё.

– Что с ними делали?

– Разное.

– Это плохое слово.

– Тэра, записи закрыты.

– А ты врач.

– Именно. У меня есть обязанность не раскрывать чужие медицинские данные.

Я почти разозлилась.

Потом остановилась.

Правила Келла работали и тогда, когда мешали мне. Пришлось признать: именно так они и должны работать.

– Они соглашались на исследования?

Келл ответил после паузы.

– Не все.

– И ты считаешь, это тоже медицинская тайна?

– Нет.

Он закрыл шкаф.

– Это преступление.

– Тогда почему ничего не сделал?

– Я узнал много позже.

– И?

– Подал внутренний запрос. Получил отказ. Подал второй. Меня лишили доступа.

– И остался работать.

– Да.

– Почему вы все остаётесь?

Келл устало снял очки.

– Если все недовольные уйдут, внутри останутся только довольные. Или те, кому всё равно.

Я уже слышала эту логику от Ренна. У Келла она звучала менее удобно: он не называл своё решение правильным, только объяснял, почему остался.

– Не оправдывает молчание, – сказала я.

– Нет.

– И участие.

– Нет.

– Тогда?

– Ничего не оправдывает полностью.

Он снова надел очки.

– Добро пожаловать во взрослую жизнь.

– Ненавижу.

– Все ненавидят.

После экскурсии Келл сразу перешёл к обследованию.

– Руку.

– Нет.

Он посмотрел на Ренна.

– Она всегда такая?

– Пока да.

– Я здесь.

Келл вздохнул.

– Тэра, нам нужно понять природу эффекта.

– Мне нужно увидеть брата.

– Это разные вопросы.

– Для меня один.

Ренн стоял у окна каюты.

– Если обследование покажет, что ты не представляешь угрозу, в Астере у тебя будет больше свободы.

– «Больше» относительно клетки?

– Относительно этой комнаты.

– Соблазнительно.

В итоге я согласилась на измерения.

Не на уколы.

Не на связывание.

Не на введение резонансных веществ.

Келл возмутился, но записал.

Он закрепил на моих пальцах тонкие металлические кольца.

Потом попросил Ренна активировать резонанс.

Воздух рядом с его рукой задрожал.

Я почувствовала низкий звук внутри костей.

– Теперь коснись его.

– Куда?

– Кожа к коже.

Я взяла Ренна за запястье.

Гул исчез.

Свет приборов погас.

Келл выругался.

Я отпустила.

Приборы ожили.

– Невозможно.

– Ты второй человек за сутки, который мне это говорит.  
Келл повторил опыт.

Потом ещё.

С каждым разом эффект возникал быстрее.

– Она не поглощает, – сказал он наконец. – Она обнуляет.

– Разница?

– Огромная. Если бы ты поглощала резонанс, энергия оставалась бы в тебе. А её нет. Ты создаёшь область, в которой связи перестают существовать.

– Прекрасно. Я дыра.

Келл не улыбнулся.

– Это страшнее.

Ренн смотрел на мою руку.

– Насколько далеко?

– Пока только контакт.

– Пока?

Келл кивнул.

Мне не понравилось это слово.

После обследования Келл оставил на столе лист.

В графе «тип резонанса» стояло: НЕОПРЕДЕЛИМ.

В графе «источник» – ОТСУТСТВУЕТ.

В графе «рекомендации» – ИЗОЛЯЦИЯ ДО ПОЛНОГО  
ИССЛЕДОВАНИЯ.

– Мило, – сказала я.

Ренн сидел у окна и правил ремень ножен.

– Что?

Я бросила лист ему.

– Меня рекомендуют изолировать.

Он прочитал.

– Келл любит драматические формулировки.

– А ты?

– Я люблю точные.

– Например?

– «Не оставлять тебя без присмотра рядом с важной инфраструктурой».

– Длинно.

– Зато точно.

Я забрала лист.

– Почему ты носишь нож, если можешь швыряться серебряным светом?

– Потому что иногда свет не работает.

– Из-за меня?

– Не только.

Он показал лезвие.

Простое. Потёртое. На рукояти царапина.

– Это нож Илы?

Он поднял глаза.

– Почему решила?

– Ты не похож на человека, который хранит старые вещи без причины.

– Её.

– Она была в Корпусе?

– Нет. Ненавидела оружие.

– Тогда зачем нож?

– Подарила перед моим первым назначением. Сказала, что если я собрался изображать героя, пусть хотя бы будет чем резать хлеб.

Я рассмеялась.

– Мне уже нравится твоя сестра.

– Она бы сказала то же о тебе.

– Не льсти.

– Не лъщю. Она любила шумных людей.

Я посмотрела на лист.

– Ты считаешь меня шумной?

– Очень.

– Ты постоянно жалуешься?

– Нет.

– Почему?

Он пожал плечами.

– После многих лет тишина переоценена.

Я не спросила, о каких годах он говорит.

Вечером нашла его на корме.

– Ты знал обо мне?

– Нет.

– В тоннеле ты отреагировал так, будто знал.

– Я знал легенду.

– Какую?

Он долго молчал.

– О людях, которые могут выключать резонанс.

– И?

– Последний подтверждённый случай был двести восемьдесят семь лет назад.

– Что с ним стало?

Ренн посмотрел на море.

– Умер.

– Удобно.

– Через четыре дня после обнаружения.

Я подошла ближе.

– От чего?

– Этого в архивах нет.

– А в тех архивах, куда у тебя есть доступ?

Он повернул голову.

– Тэра.

– Что?

– Я не знаю.

На этот раз я ему поверила, и это раздражало сильнее лжи.

На «Меридиане» я познакомилась с корабельной дисциплиной.

Она заключалась в том, что все знают, куда нельзя ходить, а я узнаю об этом после того, как уже пришла.

Первым был машинный отсек.

– Посторонним нельзя.

– Я не посторонняя. Я пленница.

Механик посмотрел на охранника.

– Она всегда так?

Охранник пожал плечами.

– Второй день.

Меня вывели.

Вторым был верхний мостик.

Туда я попала случайно, потому что лестницы на военных кораблях проектируют люди, ненавидящие обозначения.

Капитан «Меридиана» оказалась человеком по имени Со-  
ра Мель.

Низкая.

Седая.

С голосом, способным перекрыть шторм.

– Кто вас сюда пустил?

– Архитектор.

– Вниз.

Я развернулась.

– Стойте.

– Что?

– Вы Нолл?

– Иногда.

Она посмотрела на мою руку.

– Та самая.

– Ненавижу уже эту фразу.

– Я тоже ненавижу пассажиров, которых мне приказывают везти без объяснений.

Мне понравилась.

– Что вам сказали?

– Что рядом с вами может отказать резонанс.

– И всё?

– Этого достаточно на корабле, который держится на резонансе.

Справедливо.

– Где мне можно ходить?

Сора взяла карту.

Красным отметила половину корабля.

– Не сюда, не сюда, не сюда.

– А где можно?

Она обвела маленький квадрат.

– Палуба, каюта, столовая.

– Тюрьма была просторнее.

– Тюрьма не тонет, если вы чихнёте.

– Я не выключаю при чихании.

– Надеюсь.

После этого Ренн настоял, чтобы измерили радиус эффекта в разных состояниях.

Спокойствие.

Злость.

Страх.

Усталость.

– Это унижительно, – сказала я.

– Это корабль, – ответила Сора. – Мне всё равно, что вы

считаете унижительным, если это не угрожает кораблю.

Ренн стоял рядом и явно был на её стороне.

– Предатели.

– Мы познакомились пять минут назад, – сказала Сора.

– Быстро работаете.

Эксперимент показал, что в спокойном состоянии поле почти не выходило за кожу.

При раздражении – два метра.

При сильном страхе – до семи.

– Прекрасно, – сказала я. – Теперь государство научно подтвердило, что я опаснее, когда меня злят.

Сора записала.

– Полезно.

– Не надо было говорить.

– Поздно.

Ещё выяснилось, что эффект реагирует не только на мои эмоции.

На внимание.

Если я сознательно слушала резонанс, поле расширялось.

Если отвлекалась, сжималось.

– Значит, контроль возможен, – сказал Ренн.

– Или я могу всю жизнь думать о другом.

– Тоже метод.

– Например, о том, как тебя утопить.

Сора подняла палец.

– Не на моём корабле.

Я улыбнулась.

В тот вечер она пригласила меня на мостик официально.

– Почему?

– Хочу, чтобы ты увидела маршрут.

На карте защитные поля обозначались светящимися дуга-

ми.

Между ними – чёрные участки моря.

– Мы идём через окно? – спросила я.

– Да.

– Почему не вдоль контуров?

– Дольше на три дня.

– И безопаснее.

– Не всегда. Отзвуки скапливаются у полей.

– Почему?

– Никто не знает.

Я смотрела на точки.

– Они хотят внутрь.

– Все так думают.

– А вы?

Сора пожала плечами.

– Я морячка. Мне достаточно знать, где они.

Ренн подошёл.

– Шторм смещается.

Сора нахмурилась.

– Раньше прогноза.

Они начали говорить о частотах ветра.

Я слушала.

Слова были технические.

Но заметила одно.

– Если шторм идёт раньше, почему вы не меняете маршрут?

Сора посмотрела.

– Приказ – быть в Астере через два дня.

– Приказ важнее погоды?

– Нет.

– Тогда?

Она молчала.

Ренн сказал:

– Центральный Резонанс хочет тебя быстро.

Я сжала край карты.

– Насколько быстро?

– Быстрее, чем капитану нравится.

Сора свернула карту.

– Я изменю маршрут.

Ренн кивнул.

– Я подтверждаю.

– Ты не командуешь этим кораблём.

– И не собираюсь. Я письменно возьму на себя ответственность за задержку.

– Это всё равно нарушение приказа.

– Немного.

Я смотрела между ними.

– Вы нарушаете приказ ради безопасности.

Сора фыркнула.

– Не делай из этого революцию. Это навигация.

Но я запомнила.

Сора просто назвала приказ плохим и повернула корабль.

Шторм всё равно догнал нас – позже, чем по первому прогнозу. Этого могло хватить, чтобы изменить число выживших. Точно мы уже не узнаем.

## Глава 6. Чёрная вода

Перед нападением море несколько часов вело себя почти прилично.

Я даже вышла на палубу с кружкой горячей воды, в которой корабельный повар зачем-то утопил веточку мяты.

– Это чай? – спросила я.

Матрос, сидевший у катушки каната, пожал плечами.

– В документах проходит как чай.

– Тогда документы лгут.

Он рассмеялся.

Его звали Весс. Человек лет тридцати, с обветренным лицом; на левой руке у него осталось два пальца.

– Первый раз за контуром? – спросил он.

– Видно?

– Ты всё время смотришь на воду так, будто она должна объясниться.

– Было бы вежливо.

Весс кивнул на туман.

– Не жди.

Я села на перевёрнутый ящик.

– Ты давно ходишь?

– Девять лет.

– И не боишься отзвуков?

– Боюсь.

– Очень убедительно выглядишь.

– Страх и паника разные вещи.

Я посмотрела на его руку.

Он заметил.

– Отзвук?

– Лебёдка.

– Разочарована?

– Немного.

– Все думают, моряки теряют конечности красиво. На деле обычно виновато оборудование.

Ренн появился у лестницы.

Весс сразу выпрямился.

– Командир.

– Сиди.

Весс всё равно не сел.

Когда Ренн прошёл дальше, я спросила:

– Он всегда так действует на людей?

– Как?

– Будто кто-то неожиданно вспомнил устав.

Весс усмехнулся.

– Аркет нормальный.

– У вас очень низкие стандарты.

– Ты не видела прежнего командира.

– Что с ним?

– Повысили.

– Тогда действительно страшно.

Когда Ренн ушёл, Весс вернулся к канату, а я ещё несколько минут торчала рядом. Делать было нечего, а безделье на корабле оказалось хуже качки. Все вокруг знали, за что держаться, куда идти и что означает каждый короткий свист. Я одна была грузом, который ещё и разговаривает.

– Покажи что-нибудь полезное, – сказала я.

Весс посмотрел на меня.

– Зачем?

– Чтобы при тревоге не стоять посреди палубы и не спрашивать, куда бежать.

– При тревоге тебе велели идти в каюту.

– Значит, особенно полезно знать, куда бегут остальные.

Он хмыкнул и показал на ряд красных рукоятей вдоль внутреннего борта.

– Ручные замки переборок. Если резонанс отказывает, закрываем сектора ими. Красная вниз – отсек. Красная вверх – открыть. Жёлтые не трогать.

– Почему?

– Они сбрасывают давление.

– И что будет?

– Если спросишь ещё раз, покажу на практике.

Я присела возле ближайшей рукояти. Металл был покрыт белёсой солью. Потянула. Та сдвинулась на палец и застряла.

– Эта не закроется.

– Закроется.

– Нет.

– Мы вчера проверяли.

Я потянула сильнее. Рукоять скрипнула и осталась на месте.

Весс выругался.

– У тебя инструменты с собой?

– Всегда.

Через минуту я уже сидела на палубе с открытым кожухом. Под ним обнаружилась соль, набившаяся в паз, и погнутый фиксатор. Ничего героического. Обычная неисправность, которую хорошо обслуженный корабль не должен был иметь, но хорошо обслуженных вещей вообще существует меньше, чем утверждают отчёты.

– Кто последний лазил? – спросила я.

– Не я.

– Очень профессиональный ответ.

Над нами раздался голос Соры:

– Почему моя пассажирка разбирает мой корабль?

Я подняла голову. Капитан стояла, уперев руки в пояс.

– Потому что ваш корабль сопротивляется спасению собственной переборки.

– Весс?

Он виновато поднял два оставшихся на левой руке пальца.

– Она сама.

– Предатель, – сказала я.

Сора присела, проверила рукоять и посмотрела на фиксатор.

– Меняйте.

– Я уже.

– Я Вессу.

– Поздно.

Через несколько минут рукоять ходила свободно. Сора дёрнула её вниз. Внутри борта тяжело лязгнул замок.

– Если тревога будет настоящая, – сказала она, – не геройствуй.

– Я ремонтник. Мы называем это «устранять неисправность».

– На берегу называй как хочешь. На моём корабле сначала слушаешь приказ.

– Даже плохой?

– Особенно плохой. Потом, если выживешь, споришь.

Мне это правило не понравилось. Поэтому я его запомнила.

Через три часа прозвучала тревога.

Первый удар пришёлся в левый борт.

Второй разбил одну из внешних резонансных дуг.

На палубе стало темно.

Туман был совсем рядом.

Чёрная вода билась о борт.

Матросы таскали ящики с резонансными зарядами.

– Контур сорван! – крикнул кто-то.

Кормовая переборка дёрнулась и осталась открытой. У её привода – та самая красная рукоять. Рядом никого. Весс был

у катушки, остальные тащили аварийную сеть.

Я бросилась к борту, вцепилась в металл и дёрнула вниз. Рукоять пошла туго, но пошла. За стеной с грохотом сошлись механические створки.

Сора, пробегая мимо, только крикнула:

– Теперь в укрытие!

Я честно собиралась послушаться.

Почти.

Я увидела Весса у катушки.

Он орал двум матросам, чтобы те тянули аварийную сеть.

Из тумана вылетело что-то белое и ударило его в спину.

Я рванулась.

Ренн поймал меня за куртку.

– Нет.

– Там человек!

– Я вижу.

Он ударил резонансом.

Белая фигура отлетела.

Весс поднялся сам.

Жив.

Я выдохнула.

– Ты собиралась бежать к нему без оружия, – сказал Ренн.

– У меня есть руки.

– Поразительная стратегия.

– Отпусти.

Он отпустил.

Потом я услышала голос.

– Тэра.

Я остановилась.

Никто не называл меня так, как он.

Не растягивал первый звук.

Не превращал последнее «а» почти в смешок.

Отец.

Я повернулась к морю.

Он стоял на воде.

Так же, как в последний день, когда я его видела.

Мокрые волосы.

Старая коричневая куртка.

Усталое лицо.

– Тэра, – сказал он.

Я шагнула к борту.

Ренн схватил меня за плечо.

– Не смотри.

– Это он.

– Нет.

– Отпусти.

– Это не он.

Отец поднял руку.

– Я искал тебя.

Мир сузился до его лица.

Я знала, что отец умер.

Я видела тело.

Но какая-то часть меня всё равно хотела услышать ещё одно слово.

Любое.

Ренн развернул меня к себе.

– Смотри на меня.

– Убери руки.

– На меня.

Я ударила его в грудь.

Он не отпустил.

За спиной что-то ударилось о борт.

Раздался визг.

Не человеческий.

Я всё-таки оглянулась.

Отца больше не было.

На палубу ползло существо.

Белое.

Длинное.

С лицом, которое менялось каждую секунду.

Мужчина.

Ребёнок.

Старуха.

Отец.

Я замерла.

Ренн отпустил меня и вскинул руку.

Серебряная волна ударила в существо.

Оно закричало десятками голосов.

Катер снова накренился.

Ренн потерял равновесие.

Я схватилась за него.

Наши руки соприкоснулись.

Его магия погасла.

Вместе с ней на секунду погасла ближайшая резонансная полоса на палубе.

Я вспомнила предупреждение Соры слишком поздно: от страха моё поле разросло.

Я дёрнула руку назад.

Существо бросилось.

Я увидела пасть.

Не лицо.

Пасть.

Ренн толкнул меня в сторону и встретил тварь ножом.

Обычным.

Не резонансным.

Он резал, пока тварь не перестала двигаться.

– Не трогай меня во время боя, – сказал он, тяжело дыша.

– Учту.

Ещё один удар.

В корпусе что-то треснуло.

Капитан закричал:

– К берегу! Мы теряем кормовую линию!

Катер повернул.

В тумане показался тёмный остров.

– Там нет поселений, – сказал Ренн.

– Отлично.

– Это не хорошая новость.

– У тебя вообще бывают хорошие?

Он помедлил.

– Иногда.

Я не успела спросить, когда.

«Меридиан» налетел на подводные камни.

Меня швырнуло через палубу.

Последним я увидела Ренна: он прыгнул за мной в чёрную воду.

## Глава 7. Без магии

Я очнулась от того, что кто-то давил мне на грудь.

– Прекрати.

– Дыши.

– Я дышу.

– Теперь да.

Я открыла глаза.

Ренн стоял на коленях рядом. Волосы мокрые, форма разорвана на плече.

Моя рабочая сумка лежала рядом, насквозь мокрая. Ремень не порвался – похоже, именно поэтому инструменты пережили море вместе со мной.

– Где мы?

– На острове.

– Остальные?

– Не знаю.

Я села.

Мир качнулся.

– Энн.

– Его здесь нет.

– Я знаю.

– Тогда зачем сказала?

– Чтобы не забыть.

Он ничего не ответил.

Мы выбрались выше по берегу. Катера не было видно. В море плавали обломки.

– Резонанс? – спросила я.

Ренн поднял руку.

Ничего.

– Почему?

– Ты.

– Я тебя не касаюсь.

– Уже не нужно.

Мне стало холоднее.

– Насколько далеко?

Он отошёл на десять шагов. Попробовал снова.

Слабая серебряная искра.

Ещё дальше.

Свет усилился.

– Радиус около восьми метров.

– Вчера без злости или страха поле почти не выходило за кожу.

Я вспомнила погасшую полосу на палубе.

– Я могла уронить «Меридиан»?

Ренн ответил не сразу.

– Главная дуга была разбита до этого. Кормовая линия уже падала.

– Я спросила, могла ли я уронить корабль.

– Твой импульс мог на несколько секунд убрать часть резонансного резерва. Был ли он причиной удара о камни – не

знаю.

Я закрыла глаза.

– Значит, мог.

– Мог повлиять. Это не то же самое, что «ты разбила корабль».

– Очень утешает.

– Я не утешаю.

Именно поэтому я ему почти поверила.

– Эффект растёт.

– Из-за чего?

– Не знаю.

– Потрясающе.

Только тогда я заметила кровь под разорванным плечом его формы. Рядом со мной порез почти не затягивался. Ренн отошёл за границу поля, и по краям раны медленно проступили серебряные нити регенерации. Через несколько минут кровь остановилась, но плечо всё ещё плохо двигалось. Я промыла порез остатком чистой воды и перевязала полосой ткани.

– Не начинай про долг, – сказал он.

– Это не долг. Это чтобы ты не умер раньше, чем успеешь меня довезти.

– Очень трогательно.

– Я старалась.

Первый час после того, как я смогла стоять, мы прочёсывали берег. Нашли обломки, спасательный круг и две пустые

шлюпочные скобы. Ни тел, ни живых. Дальше берег уходил за скалы, где Ренн уже выходил из моего нулевого поля и снова мог пользоваться резонансом.

– Сначала укрытие и передатчик, – сказал он. – Потом продолжим поиск.

Мне хотелось спорить, но над водой снова сгущался туман. Я согласилась. Об остальных не перестала думать, но сначала нам самим нужно было не замёрзнуть и не попасться отзвукам.

Мы всё-таки прошли ещё до следующего выступа скалы. Не дальше. Ренн обозначил границу палкой на мокром песке, будто я могла случайно не заметить целый берег.

За скалой прибой выбросил аварийный контейнер. Крышку сорвало, половина содержимого исчезла, но внутри остались две сигнальные трубки, моток сухого шнура, жестяные пакеты с водой и две сухие лепёшки в промасленной упаковке.

– Наш? – спросила я.

Ренн перевернул контейнер. На боку была выбита эмблема «Меридиана».

– Наш.

Я начала осматриваться.

– Значит, здесь были люди.

– Или контейнер принесло течением.

– Ты всегда обязан портить хорошую версию?

– Только если она не доказана.

На камнях выше линии прибоя я заметила обрывок каната. Не рваный. Конец был срезан ножом. Рядом в щели застряла деревянная планка с номером второй шлюпки.

Я показала Ренну.

Он долго смотрел на планку.

– Что?

– При ударе обе шлюпочные скобы были пустыми.

– Ты видел?

– Да.

– И молчал.

– Я не знал, спустили шлюпки или их сорвало.

– А теперь?

Он поднял срезанный канат.

– Теперь думаю, что хотя бы одну спустили вручную.

Слово «думая» раздражало меньше, чем «возможно». Совсем немного.

– Сколько туда помещается?

– Двенадцать.

– На корабле было больше.

– Были ещё спасательные плоты.

– Значит, часть могла уйти.

– Да.

Я выдохнула. До сих пор надеждой служило только отсутствие тел. Теперь у нас были хотя бы срезанный канат и обломок шлюпки – немного, но уже не пустое место.

Ренн собрал сигнальные трубки.

– Оставим одну здесь. Если спасатели пойдут вдоль берега, увидят след.

– А вторую?

– Возьмём.

Я выложила на песке стрелку из чёрных камней, направленную к развалинам. Потом добавила рядом три больших камня.

– Это что?

– Двое живых. Один ранен.

– Я не настолько ранен.

– Это про меня. У меня характер.

Он оценил меня с головы до ног.

– Тяжёлый случай.

– Неизлечимый.

Когда Ренн попытался проверить сигнальную трубку резонансом, та в моей близости молчала. Мне пришлось отойти почти на десять метров. Серебряная метка на корпусе сразу загорелась.

Я смотрела на расстояние между нами и впервые почувствовала свою способность не как оружие. Как бытовую проблему. Если я стою рядом, не работает передатчик. Не зажигается маяк. Не заживает его рана.

– Весело со мной путешествовать, – сказала я.

– Пока не скучно.

– Очень низкая планка.

– После кораблекрушения приходится снижать ожидания.

Мы забрали воду и пошли искать укрытие. Я оглянулась на стрелку. Прилив уже подбирался к нижнему камню.

– Утром проверим берег снова.

– Да, – сказал Ренн.

Не «если будет время».

Не «возможно».

Просто да.

До вечера мы нашли укрытие в развалинах старого каменного здания.

Ренн развёл огонь руками.

Без магии.

Это почему-то удивило меня.

– Что?

– Ничего.

– Ты смотришь.

– Я думала, сейры появляются на свет с готовым костром.

– Мы ещё умеем открывать двери.

– Сами?

– Иногда.

Я рассмеялась.

Он тоже.

Едва заметно.

Это был первый раз, когда я увидела, как его лицо выглядит без привычной холодности.

Когда он уснул у огня, я заметила ссадины на его руках и песок под ногтями. Память возвращалась ко мне кусками:

холод, рывок за воротник, его голос, повторяющий моё имя. Он действительно вытащил меня на берег. Я отложила вопрос до утра.

К ночи начался дождь.

Мы сидели у огня.

– Сколько тебе лет? – спросила я.

– Тридцать один.

– Ложь.

– Если судить по человеческой внешности.

– Я спросила, сколько.

– Восемьдесят семь.

Я подавилась водой.

– Ты старик.

– Спасибо.

– У тебя морщин нет.

– Это преимущество.

– А недостатки?

Он посмотрел на огонь.

– Мы слишком долго живём с решениями, которые приняли молодыми.

Ответ был слишком личным для человека, который обычно измерял каждую фразу.

– Ты кого-то потерял? – спросила я.

– Все что-то теряют.

– Вот теперь снова говоришь как каменная плита.

Он вздохнул.

- Сестру.
- Умерла?
- Нет.
- Тогда?

Он подбросил ветку.

- Спи.
- Ты сам начал.
- Нет. Ты спросила.
- Это почти одно и то же.
- Не почти.

Я легла ближе к стене.

Через несколько минут он сказал:

- Её звали Ила.
- Я не повернулась.
- Хорошее имя.
- Да.
- Что с ней?

Ответа не было. Потом:

- Я отвёз её в Центральную башню.

Я открыла глаза.

- Якорь?
- Да.

Больше он ничего не сказал.

Позже ночью что-то ходило между камнями.

Медленно.

Тяжело.

– Отзвук? – шепнула я.

– Не знаю.

– Очень успокаивает.

Ренн поднял палец.

Шаги остановились.

Я услышала дыхание.

Не наше.

Потом детский голос:

– Папа?

У меня всё внутри сжалось.

Ренн не двинулся.

– Папа, открой.

Голос раздавался прямо за проломом стены.

– Здесь нет двери, – прошептала я.

– Оно не знает.

– Что делать?

– Ничего.

– И ждать?

– Да.

– Ненавижу твои планы.

За стеной ребёнок начал плакать.

Плач прекратился.

Детский голос стал мужским.

– Тэра.

Я вздрогнула.

Ренн схватил меня за запястье.

Не магией.

Я почувствовала его пульс.

– Оно не знает тебя, – сказал он тихо.

– Знает имя.

– Слышало на корабле.

– Или из головы.

– Не смотри наружу.

Мы сидели так почти час.

Существо пробовало голоса.

Отец.

Овин.

Энн.

Последний был хуже всего.

– Тэра, мне холодно.

Я закрыла глаза.

Ренн сжал мою руку.

– Энн сейчас в Астере.

– Я знаю.

– Скажи.

– Что?

– Где он.

– В Астере.

– Ещё.

Так он заставлял меня цепляться за факты.

– Ему семнадцать. Он ненавидит варёную капусту. Он читает за едой, хотя я запрещаю. У него шрам на правом коле-

не, потому что в девять лет решил прыгнуть с крыши сарая.

Голос за стеной снова позвал.

Я продолжала.

– Он считает, что умеет играть в карты. Не умеет. Он всегда оставляет чашки возле кровати. Я ругаюсь.

Ренн слушал.

Снаружи стало тихо.

Он всё ещё держал меня за руку. Я поняла это только теперь, когда опасность перестала требовать всего внимания.

Ладонь у него была горячая, моя – холодная. Я разжала пальцы первой. Пустое место между руками почему-то ощущалось отчётливее, чем должно было.

На рассвете мы нашли следы.

Не лапы.

Не человеческие.

Будто по мокрой земле разом провели десятками пальцев.

– Спасибо, – сказала я.

Ренн не спросил, за что.

И это тоже помогло.

Чуть позже, когда дождь стих окончательно, я всё-таки спросила:

– Что я тебе должна за то, что ты вытащил меня из воды?

– Ничего.

– Так не бывает.

– Почему?

– Потому что люди не делают ничего просто так.

– Иногда делают.

– Ты не человек.

Он посмотрел на меня.

– Технически справедливо.

Я поморщилась.

– Я серьёзно.

– Я тоже. Ты ничего не должна.

– Ты прыгнул в воду.

– Да.

– Ты мог погибнуть.

– Да.

– Зачем?

Он завязал ремень на сапоге.

– Ты была под моей ответственностью.

Мне стало легче: служба, приказ, ответственность. Понятная причина, с которой можно спорить.

Я уже хотела съязвить, когда он добавил:

– И я не хотел, чтобы ты умерла.

Я зря успела обрадоваться.

– Это необязательно было говорить.

– Ты просила точный ответ.

– Ошибка.

## Глава 8. Имена на камне

К середине утра мы пошли вглубь острова.

Мне хотелось найти передатчик.

Ренн искал высоту.

Нашли кладбище.

Не настоящее.

Каменная площадь, окружённая разрушенными колонна-

ми.

На каждой колонне были вырезаны имена.

Тысячи.

– Что это? – спросила я.

Ренн подошёл к ближайшей.

Его лицо изменилось.

– Старый мемориал.

– Кому?

Он не ответил.

Я прочитала:

ЛИСА МОРР, ЯКОРЬ ПЯТОГО КОНТУРА.

ДАРЕН ВЕЛЛ, ЯКОРЬ СЕВЕРНОГО УЗЛА.

МИНА АРК, ЯКОРЬ ВОСТОЧНОЙ БАШНИ.

Я отступила.

– Это могилы?

– Нет.

– Тогда что?

– Имена тех, кто был подключён здесь.

– Подключён?

Ренн закрыл глаза.

– Тэра.

– Нет. Теперь ты скажешь.

– Я не знаю деталей.

– Ты знал достаточно, чтобы молчать.

Он повернулся ко мне.

– Якоря не служат рядом с башнями.

– А где?

– Внутри системы.

– Что это значит?

– Их нервная структура используется для стабилизации частот.

Я смотрела на него.

Слова я понимала по отдельности. Вместе они не укладывались.

– Они живые?

– Сначала.

– А потом?

Он молчал.

Я ударила его.

Кулаком.

В лицо.

Он не защищался.

– Энн.

– Мы его найдём.

– Энн.

– Я знаю.

Я ударила снова.

– Ты отвёз туда свою сестру.

– Да.

– И после этого продолжаешь служить им?

– Да.

– Почему?

Теперь он перехватил мою руку. Не больно. Просто не дал ударить третий раз.

– Потому что без башен Прилив войдёт в города.

– Какая удобная фраза.

– Она не удобная. Она просто правда.

– И сколько людей вы кладёте внутрь?

– Сотни в год.

Мне стало дурно.

Я села на камень.

Сотни.

Каждый год.

Якоря.

Почётная служба.

Поздравления.

Белые палатки.

Матери, которые плачут от гордости.

– Энну семнадцать.

– Я знаю.

– Он книги таскает в сумке, когда мы бежим из города.  
Ренн сел напротив.

– Я знаю.

– Нет. Ты ничего не знаешь.

– Возможно.

Это «возможно» ударило сильнее спора.

Я посмотрела на имена.

– Почему здесь всё заброшено?

– Старый контур закрыли сто лет назад.

– Почему?

– Массовый отказ Якорей.

– Они могли отказаться?

– Тогда – да.

– И что случилось?

– Контур рухнул. Прилив уничтожил три поселения.

Злиться стало сложнее. До мемориала всё укладывалось в простую схему: они забирают людей, значит, они чудовища. Теперь я знала, что без Якорей погибали другие. Это ничего не оправдывало, но ломало удобную схему.

Перед тем как уйти, я нашла ещё одно имя.

**АРКЕТ ЭРЕН. ЯКОРЬ ЧЕТВЁРТОГО КОНТУРА.**

– Родственник? – спросила я.

Ренн застыл.

– Отец.

Я посмотрела на дату закрытия контура, потом на него.

– Но тебе восемьдесят семь.

– Отец вышел из контура живым после отказа. Через несколько лет родился я.

– Он восстановился?

– Не полностью.

– Ты говорил только про сестру.

– Ты не спрашивала.

– Ненавижу эту семейную привычку.

Он провёл пальцами по имени.

– Он пошёл добровольцем.

– Якорем можно было стать добровольно?

– Раньше.

– Он знал цену?

– Нет.

– А когда узнал?

– Уже был подключён.

– Ила поэтому пошла?

– Частично. Хотела доказать, что наша семья не боится служить.

– А ты отвёз.

– Да.

Теперь было понятнее, откуда в нём эта вина: отец, сестра, один и тот же долг, передаваемый по семье.

– Тебя не выбрали?

– К моему поколению сейров уже почти перестали использовать как постоянных Якорей. После ранних аварий Совет

объявил нашу собственную связь с сетью слишком ценной для такой нагрузки.

Я посмотрела на имя его отца.

– То есть можете. Просто теперь почти не платите эту цену сами.

– Да.

Система не доказала, что сейры не способны быть Якорями. Она просто решила, чью жизнь допустимо тратить.

Мы нашли передатчик к вечеру.

Пока Ренн настраивал его, я ходила между колоннами и читала имена.

На последней была вырезана фраза:

**МЫ ДЕРЖАЛИ БЕРЕГ, ПОКА НАС ПОМНИЛИ.**

Я провела пальцами по буквам.

Из-под земли донёсся знакомый шёпот.

– Не надо.

Я отдёрнула руку.

– Ренн.

Он обернулся.

– Я снова слышала голос.

– Где?

Я указала вниз.

– Что сказал?

– То же, что в Нерисе.

– «Не надо»?

Я посмотрела на него.

– Откуда ты знаешь?

Он не ответил сразу.

И в эту секунду я поняла: остров был не первым местом, где он слышал подобное.

Просто первым, где я поймала его на лжи.

Мы не ушли с мемориала сразу.

Ренн хотел подняться к передатчику.

Я села на ступени.

– Пять минут.

Он остановился.

– Ты устала?

– Я хочу посидеть.

Он не спорил.

Редкое чудо.

Передо мной стояли колонны с именами.

На колоннах были не роли, а имена людей, о которых я ничего не знала.

Я выбрала одно имя наугад.

– Мина Арк.

– Что?

– Я хочу знать, кем она была.

– Я не знаю.

– Ты же сейр.

– Это не делает меня архивом.

– Бесполезно.

Он сел через одну ступень.

– Можно проверить в Астере.

– Если записи сохранились.

– Возможно.

Я бросила в него сухую травинку.

– Я предупреждала про это слово.

Он поймал её.

– Что ты хочешь услышать?

– Что мы узнаем всех.

– Не узнаем.

Я помолчала.

– Спасибо.

– Ты просила без «возможно».

– И сразу пожалела.

Ренн провёл пальцами по краю камня.

– Когда Илу подключили, я первые годы собирал сведения о Якорях.

– Зачем?

– Хотел найти закономерность. Кто дольше сохраняет память. Какие профили легче отключаются. Какие капсулы дают сбой.

– Нашёл?

– Много мелких закономерностей. Ни одной, которая спасла бы её.

– И бросил.

– Да.

– Почему?

Он долго не отвечал.

– Поймал себя на том, что сначала вижу номер капсулы.

Потом человека.

Я перевела взгляд на колонны.

– И испугался?

– Нет.

– Тогда?

– Однажды встретил мать Якоря, про которого знал только номер, частоту и срок подключения. Она показала мне его детский рисунок.

Я ничего не сказала.

– После этого я понял, что могу провести ещё сто лет в архивах и научиться всему о системе, не узнав ничего о людях внутри.

– Поэтому Корпус?

– Частично.

– Странная логика.

– Я не обещал хорошую.

Я снова посмотрела на имя.

Мина Арк.

– В Астере найдём её запись.

– Хорошо.

– Это обещание?

– Да.

– Опасно.

– Иногда можно.

В тот же вечер мы нашли в подzemелье старую резонансную камеру.

Не случайно.

Пока Ренн возился с передатчиком, я заметила у основания мемориала старый водоотвод. Каменный жёлоб уходил не к морю, а под площадь. Для дождевой воды это было бессмысленно. Для охлаждения большого механизма – вполне.

– Здесь что-то было, – сказала я.

– Здесь был контур. Мы уже знаем.

– Контур не пьёт воду. Оборудование пьёт.

Ренн посмотрел на жёлоб.

– Откуда знаешь?

– Потому что, когда инженер хочет спрятать важную систему, он прячет дверь. А ремонтник всё равно ищет трубы.

Мы пошли вдоль канала. Он исчезал под обвалившейся стеной, появлялся через десять шагов и заканчивался у плиты, заросшей мхом. На ней не было ручки. Зато рядом торчала медная трубка толщиной с палец.

Я постучала по ней.

Пусто.

– Воздуховод.

– Или дренаж.

– Спорим?

– Нет. Ты становишься невыносимой, когда права.

– То есть часто.

Плиту пришлось расчищать почти час. Под мхом нашлась

круглая выемка для старого механического ключа. Ключа, конечно, не было.

Я достала из сумки отвёртку.

Ренн посмотрел на неё.

– Нет.

– Что «нет»?

– Я уже знаю это выражение лица.

– У меня одно.

– Именно.

Замок оказался проще, чем городские. Через десять минут внутри что-то щёлкнуло. Плита сдвинулась на палец и выпустила воздух, пахнувший камнем, медью и очень старой сыростью.

– Видишь?

– Вижу незаконное проникновение в исторический объект.

– Когда вернёмся, напишешь на меня жалобу.

– Она получится длинной.

За плитой шла лестница. На ступенях лежала пыль, но нижние были чистыми от воды: дренаж всё ещё работал спустя столетия. Я невольно уважала человека, который его рассчитал.

– Вот нормальная инженерия, – сказала я.

– Ты восхищаешься подземельем, в котором неизвестно что.

– Я восхищаюсь уклоном канала. Не мешай.

Внизу мы нашли дверь без печати Совета, без герба сей-  
ров и без надписи о допуске. Только выбитый круг, разде-  
лённый на двенадцать равных частей.

Тот же рисунок повторялся на медных трубах.

Я вспомнила колонны наверху. Тысячи имён. Не одно.

– Ренн.

– Вижу.

На этот раз Ренн знал не больше меня. Признаюсь, это радовало.

В отличие от современных камер, здесь не было одного центрального кресла.

Вдоль стен располагались десятки медных пластин для ла-  
дней.

Кладка здесь отличалась от мемориала наверху – грубее и старше. Значит, остров использовали не один раз: поздний контур Якорей построили поверх системы, существовавшей задолго до него.

– Ренн.

Он подошёл.

– Что?

– Это не Якорь.

– Похоже.

– Люди стояли здесь вместе.

Я провела пальцами по одной пластине.

Тишина.

Потом тонкая нота.

Не моя.

Древняя.

– Эта система старше нынешних башен.

– Да.

– Значит, распределение существовало до сейровского правления.

– Может быть.

– Ты снова.

– Тэра, перед нами развалины возрастом больше трёхсот лет. Я не буду выдавать догадку за факт ради твоего настроения.

– Иногда ты невыносим.

– Часто.

Мы осмотрели комнату.

На стене сохранилась надпись:

«КРУГ ДЕРЖИТ КРУГ».

– Очень содержательно, – сказала я.

– Возможно, технический девиз.

– Или плохая поэзия.

Но я переписала.

КРУГ ДЕРЖИТ КРУГ.

Я не знала, что именно означал девиз, но переписала его. Если когда-нибудь придётся искать способ держать сеть без единственного центра, странная надпись могла оказаться хотя бы подсказкой.

## Глава 9. Под затонувшим городом

Связь заработала на несколько минут.

Этого хватило, чтобы узнать две вещи.

Первая – спасательный корабль сможет подойти только с северной стороны острова.

Вторая – из-за шторма спасатели смогут подойти к северному берегу только к полудню следующего дня.

– Есть короткий путь, – сказал Ренн.

– По острову?

– Под ним.

Он показал на старый план, найденный в комнате передатчика.

Под развалинами тянулась сеть технических тоннелей, уходившая к северному берегу.

– Это старый город, – сказала я.

– Его затопило до строительства современных контуров.

– И ты предлагаешь спуститься туда.

– Да.

– После того как мы только что обсуждали существ, которые умеют говорить голосами мёртвых.

– Мы можем остаться здесь.

Я посмотрела на тёмный лес вокруг мемориала.

– Ненавижу разумные варианты.

Вход в тоннели нашли под обрушенной лестницей.

Внизу пахло водорослями и камнем.

Я шла впереди, потому что лучше понимала старые инженерные метки.

Ренн не спорил.

Это было непривычно.

– Стой.

Он остановился.

– Здесь пол пустой.

– Он выглядит обычным.

– Поэтому я и сказала «стой».

Я бросила вперёд болт.

Каменная плита провалилась.

Под ней оказалась шахта, заполненная чёрной водой.

Ренн посмотрел на меня.

– Спасибо.

– Запомню. Вдруг больше никогда не услышу.

Мы обошли провал.

Через час тоннель вывел нас в большой подземный зал.

Там сохранились остатки старых механизмов.

Не сейрских.

Человеческих.

Я сразу это поняла по креплениям, по грубой геометрии, по способу разводки труб.

– Эти линии старше Резонанса, – сказала я.

Ренн подошёл ближе.

– Да.

– Но работают по тому же принципу.

– Похожему.

Я сняла перчатку и коснулась металла.

Он был тёплым.

Внутри что-то отозвалось.

Не голосом.

Ощущением.

Будто много людей говорили одновременно за стеной.

Я отдёрнула руку.

– Что?

– Там что-то есть.

– Отзвуки?

– Не знаю.

Мы двинулись дальше.

В одной комнате на стене сохранились детские рисунки.

Рыбы.

Лодки.

Жёлтое солнце.

Настоящее жёлтое солнце, нарисованное человеком, который, возможно, никогда не видел пепельного неба наших островов.

На полу лежала деревянная фигурка кита.

Я подняла её.

– Не трогай старые вещи, – сказал Ренн.

– Почему?

– Плесень. Яды. Остаточный резонанс.

– Ты всегда способен испортить находку.

Я всё равно положила фигурку в карман.

– Зачем?

– Энну.

– Ему семнадцать.

– И?

– Ничего.

Проход дальше оказался затоплен.

Пришлось ждать отлива.

Три часа в комнате, где на стене солнце.

Я сидела на полу и ела последнюю сухую лепёшку.

Ренн смотрел на рисунки.

– Ты видел настоящее солнце? – спросила я.

– Несколько раз.

– Где?

– На южных островах облака иногда расходятся.

– Какое оно?

– Яркое.

– Очень содержательно.

– Тёплое.

– Это уже почти поэзия.

Он сел напротив.

– А ты никогда?

– Только пятно за облаками.

– Тогда я плохо объясню.

– Попробуй.

Он задумался.

– Оно заставляет щуриться.

Я засмеялась.

– Великолепно.

– Я предупреждал.

– И ради этого люди старого мира рисовали его в каждой детской?

– Наверное, дети любят простые формы.

Я посмотрела на рисунок.

– Или рисуют то, что считают постоянным.

Ренн молчал.

Солнце над нами уже не было постоянным.

Города тоже.

Семьи.

Башни.

Наверное, поэтому люди так цепляются за вещи, которые уверенно обещают существовать завтра.

– Энн в детстве боялся моря, – сказала я.

– Живя в Нерисе?

– Поэтому и боялся. Оно было везде.

– А ты?

– Я боялась, что он утонет.

– Я спрашивал про море.

– Я знаю.

Он внимательно посмотрел.

– Ты всегда заменяешь собственный страх чужим?

– Не понимаю, о чём ты.

– Разумеется.

Я бросила в него крошкой.

Он поймал.

– Ненавижу сейрскую скорость.

– Это была медленная крошка.

– Тем более.

К ночи я устала настолько, что перестала злиться.

Ренн заметил.

– Отдохнём.

– Нет.

– Ты спотыкаешься.

– Я всегда так хожу.

– Ложь.

– С каких пор ты эксперт?

– С третьего раза, когда ты чуть не упала.

Я села на ящик.

Он протянул воду.

Я взяла.

– Почему ты не ушёл из Корпуса после сестры?

Ренн прислонился к стене.

– Куда?

– Куда угодно.

– Это человеческий ответ.

– А сейрский?

– Мы не существуем вне системы так легко, как вам ка-

жется.

– У вас дома, деньги, титулы.

– И резонансная связь, которую Совет может перекрыть.

Я нахмурилась.

– Что значит закрыть?

– Отрезать от сети.

– И?

– Для молодого сейра это боль. Для старшего – смерть.

Я медленно поставила флягу.

– Значит, вы тоже привязаны к башням.

– Да.

– А людям рассказывают, что башни нужны только для защиты.

– Людям много чего не рассказывают.

– Ты говоришь об этом так спокойно.

– Если говорить громче, факт не изменится.

Я ткнула в него пальцем.

– Ненавижу эту твою привычку.

– Какую?

– Быть разумным именно тогда, когда мне хочется тебя ненавидеть.

На этот раз он улыбнулся по-настоящему.

Коротко.

Усталой улыбкой человека, который тоже не знает, что делать с происходящим.

У правого угла его рта появилась маленькая складка, ко-

торой я раньше не замечала. Совершенно бесполезная деталь.

Я всё равно запомнила.

Я отвела взгляд первой.

Когда вода отступила, мы пошли дальше.

Кита я всё-таки сохранила.

Под затонувшим городом мы нашли не только детскую и машинный зал.

Нашли кухню.

Я поняла по огромной печи и разбитой керамике.

На одном столе окаменели остатки тарелок.

Люди ушли быстро.

Или не успели уйти.

Я старалась не думать.

Ренн открыл металлический шкаф.

Внутри сохранились герметичные банки.

– Не ешь.

– Я не собиралась.

– Ты смотришь.

– Мне интересно, что ели триста лет назад.

– Наверное, то же.

– Ты умеешь разрушить археологию.

В соседней комнате были журналы.

Большинство сгнило.

Один металлический реестр сохранился.

Я разобрала часть текста.

«Смена распределения».

«Добровольцы».

«Нагрузка».

– Смотри.

Ренн встал рядом.

– До Прилива?

– Дата старая.

– Резонанс тогда уже использовали.

– Люди?

– До появления сейрских домов технологии были общи-

ми.

– В официальной истории вы пришли и научили людей.

– Официальная история любит удобные глаголы.

Я провела по строке.

– Значит, люди участвовали в создании резонанса.

– Да.

– Почему об этом почти не говорят?

– Потому что тогда придётся объяснять, с какой стати

башни достались только сейрам.

Он произнёс спокойно.

Я повернулась.

– Ты это давно понимаешь?

– Давно.

– И служил.

– Да.

– Ты постоянно находишь новые причины, чтобы я на тебя

злилась.

– Знаю.

Мы забрали пластину.

По печатям и служебным меткам мы поняли, что реестр принадлежал лаборатории старого мира, где люди и первые сейры вместе исследовали глубинное поле.

Не было двух простых сторон и момента, когда одна раса пришла спасать другую. Были учёные, инженеры, политики, а потом катастрофа. Уже после выжившие переписали историю так, чтобы власть выглядела естественным продолжением спасения.

Это не делало нынешних сейров виновными по рождению. Ребёнок не отвечает за преступление прадеда. Но государство отвечает за ложь, которую продолжает повторять сегодня.

Проблема жила не в крови. В устройстве.

В подземном городе мы нашли карту старого побережья.

Она занимала всю стену.

Я сначала не поняла, что вижу.

Линия суши шла там, где сейчас было открытое море.

Нерис находился не на острове.

В глубине материка.

– Это невозможно.

– Было возможно, – сказал Ренн.

Я подошла.

До Прилива между Нерисом и океаном лежали сотни ки-

лометров земли.

Города.

Дороги.

Реки.

Всё исчезло под водой.

– Ты видел карты?

– Да.

– И?

– Что «и»?

– Как можно жить, зная, сколько мира потеряно?

Он посмотрел на стену.

– Так же, как ты живёшь, зная, сколько людей умерло до твоего рождения.

– Я о них не думаю каждый день.

– Вот ответ.

Мы нашли обозначение старой исследовательской станции.

Той самой, где стояла круговая камера.

Рядом была подпись:

«ПРОЕКТ ПЕЛЕНГ. ОБЩАЯ СТАБИЛИЗАЦИЯ».

– Общая, – сказала я.

– Вижу.

– Не человеческая. Не сейрская.

– Да.

– Значит, разделение появилось позже.

– Похоже.

Я скопировала координаты.

– Зачем?

– Найдём архив.

– Если он не под морем.

– Даже если под.

– Ты собираешься нырять?

– Не я.

– Рада слышать.

Мы продолжили.

В одном коридоре стены были обуглены.

На полу лежали остатки инструментов.

– Здесь была авария.

Ренн присел.

– До Прилива.

– Как определил?

– Слой соли сверху.

Я присела рядом.

– Ты умеешь что-то кроме командования.

– Иногда открываю двери.

– Точно.

На дальней стене сохранилась последняя запись.

Не техническая.

Чья-то личная.

«МЫ СЛИШКОМ ДОЛГО ДУМАЛИ, ЧТО КОНТРОЛЬ  
И СТАБИЛЬНОСТЬ ОДНО И ТО ЖЕ».

Я переписала.

Ренн прочитал.

– Хорошая фраза.

– Пугающе актуальная.

– История часто так делает.

– Повторяется?

– Нет. Люди повторяются.

Я подумала.

– Это хуже.

– Зато значит, могут и перестать.

Редкий оптимизм.

Я записала и это.

Не в блокнот.

В память.

Обугленная стена не давала забыть: до нас уже пытались строить иначе и уже платили за ошибки. Мы хотя бы не начинали с нуля.

Под утро мы позволили себе два часа сна в сухой аппаратной, потом продолжили путь к северному выходу. Спасатели должны были появиться только к полудню, но после всего, что жило в этих тоннелях, я предпочитала ждать их под открытым небом.

## Глава 10. Цена башни

На северный берег мы вышли утром следующего дня.

Спасательный корабль появился к полудню.

На нём были люди Ренна, трое чиновников Центрального Резонанса и Келл – его подобрала аварийная шлюпка у южной косы ещё ночью. Вид у врача был такой, будто крушение оскорбило его лично.

Сору и Весса подобрала другая шлюпка. Весс отделался вывихнутым плечом, Сора уже успела передать спасателям список тех, кого всё ещё искали. Я выдохнула только после этих слов. Значит, красная рукоять и лишние минуты до шторма действительно что-то изменили, пусть я никогда не узнаю, сколько.

Чиновники разглядывали меня дольше, чем требовала вежливость. Я решила не разочаровывать.

– Где Энн?

Келл поправил очки.

– В Астере.

– Состояние?

– Стабильное.

– Подключён?

Ренн резко посмотрел на него.

Келл помедлил.

– Пока нет.

Я выдохнула.

– «Пока» снова.

Нас разместили в отдельных каютах.

Дверь моей не запирали.

Прогресс.

До того как рассказать мне всю правду, Ренн отвёл меня в машинное отделение.

– Зачем?

– Ты лучше понимаешь системы, когда видишь железо.

– Наконец кто-то заметил.

Главный механизм занимал три палубы.

Сердце корабельного барьера.

В центре вращались три резонансных кольца.

– Представь, что это башня, – сказал он.

– Маленькая.

– Принцип тот же.

Он показал на первый контур.

– Создаёт поле.

Второй.

– Стабилизирует.

Третий.

– Сверяет частоту с внешней сетью.

– А Якорь?

Ренн положил ладонь на центральный корпус.

– Вот здесь была бы человеческая нервная система.

– Почему нельзя поставить механизм?

– Ставили.

– И?

– Глубинное поле непредсказуемо. Механический регулятор не успевает адаптироваться к изменениям.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.